

Космос

8
АВГУСТ
1962

Колосёр

8

АВГУСТ
1962

В ЭТОМ НОМЕРЕ

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ

«БЕЛЫЕ ПАРОХОДЫ» В. Желез-
никова, «СВОЯ ДАЧА» Б. Раевско-
го, «ОТойДИ ОТ МОЕЙ ЛОШАДИ»
С. Вольфа, «ОЛЕНИ ВЫХОДЯТ К
МОРЮ» В. Ширяева

*

СТИХИ

«А КАКОЕ БЫЛО ЛЕТО?» К. Вы-
соковского, «О ЧЕМ ГУДЯТ ПРО-
ВОДА» В. Фетисова, «НОВОСЕЛЫ»
Н. Егорова, «РАНО В СЕЛЕ» В. Пан-
ченко, «ТЕТЕРКА» В. Дубовки,
«РАЗМЕЧТАЛСЯ ВИТЯ СВИН-
КИН» Вл. Алексеева

ОЧЕРКИ

«ТОЧКА НА КАРТЕ» И. Войтенко,
«МЫ ЛЕТИМ В АНТАРКТИДУ»
Ю. Гаврилова, «В ГОСТЯХ У ВУЛ-
КАНА» Е. Рейна, «КТО РИСУЕТ
СТРЕЛЫ», «ФРАНСИСКО ГОИЯ»
В. Герасимова, «ОХОТА С ФОТО-
АППАРАТОМ» Н. Сладкова, «КАК
Я ВЫРАБАТЫВАЛА РЕФЛЕКС»
Н. Романовой

*

ВОТ ОН, КОММУНИЗМ

*

СПОРТ

*

БЮК

*

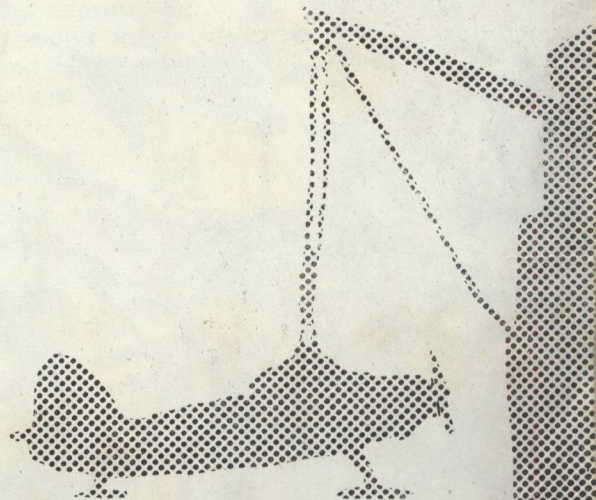
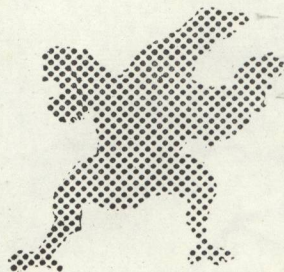
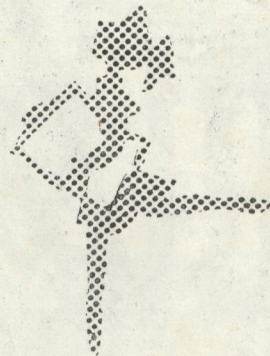
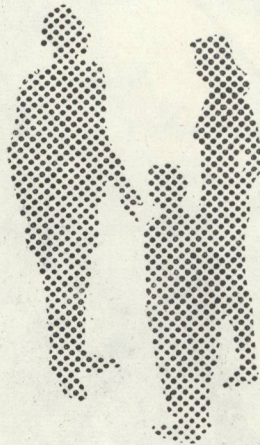
ЧТО? ГДЕ? КОГДА? ПОЧЕМУ?

*

РОГАТКА

*

Рисунок на обложке К. Савкевич
На второй странице обложки «Три-
жды Герой Советского Союза
И. Н. Кожедуб с пионерами». Фото
Б. Уткина

ТОЧКА НА КАРТЕ

Из записной книжки журналиста

И. Войтенко

Рисунки А. Овсянникова

— Вот что, — сказал мне редактор. — Укладывай в чемодан теплое белье и валенки.

И кончик карандаша, прочертив линию от Ленинграда далеко за Полярный круг, замер невдалеке от того места карты, где сходились границы СССР, Финляндии и Норвегии.

* * *

Вечером я отправлял туда телеграмму. Девушка-приемщица повертела в руках бланк и спросила:

— Гражданин, вы не ошиблись адресом? Пять лет работаю, а такого пункта не знаю.

Пришлось доставать командировочное удостоверение. Но и после этого меня заставили расписаться на краю бланка за достоверность адресата.

* * *

В Заполярье мне повезло.

— Вот и попутчик! — обрадовался шофер, распахивая дверку «МАЗа». — Садитесь! Только скорости не ждите: скользко, а груз опасный.

Я покосился на кузов, доверху груженный продолговатыми ящиками. Тол? Динамит? Нитроклетчатка? А, была не была!

* * *

Машина, облепленная снегом, продвигалась на запад. Справа нависли черные скалы, слева курились метелью бесконечные сопки. Шофер то и дело с тревогой посматривал в заднее окно — беспокоился за ящики. Что же в них, в конце концов?

Шофер улыбнулся.

— Хотите верить, хотите нет, — детские коляски! Возим-возим, а все мало!

Так началось мое знакомство с городом, которого еще нет на карте.

* * *

В царском архиве, в специальной папке, хранилась бумажка. На ней было четко выведено: «Земля Кольская для жилья не пригодна!»

* * *

— Какая тут земля, — рассмеялись ребята из взрывной бригады, — с палец толщины и то не будет. Сплошь скала! Взрывчатки, на-

верно, столько же привозим, сколько и угля для котельной.

И взлетают в небо фонтаны камней, освобождая место для фундаментов новых зданий.

* * *

Здесь стоял палаточный городок. К зиме успели сделать несколько теплых барачков и переселить в них девчат. Парни остались зимовать в палатках. День и ночь красным каленым дышали железные «буржуйки». С утра работа — а вечерами все население, вплоть до последнего человека, занималось в вечерней школе.

Это было шесть лет назад.

* * *

На контейнерах — надписи: Ленинград, Свердловск, Рига... Везут металл, огромные подъемные краны, цемент, электромоторы. Особенно много труб: от обыкновенных водопроводных до в рост человека диаметром. Невдалеке — строительная база. Оттуда по утрам уходят в рейсы триста горных самосвалов и грузовиков. Со склада цемента виден длинный транспарант у вокзала: «УДАРНАЯ СТРОЙКА СЕМИЛЕТКИ». Здесь строят никелевый горнообогатительный комбинат.

Это — сегодня.

* * *

Между двумя хребтами открылась каменная чаша. На ее краях десятки буровых станков грызли породу, копошились бульдозеры.

Глубоко внизу двадцатипятитонные машины непрерывным потоком становились под погрузку.

Рядом с комбинатом — станция Рудничная. Каждые пять минут на нее будет подаваться состав с рудой. Нигде в стране не будет такого интенсивного движения!

Это — завтра.

* * *

А вообще тут со всех сторон только и слышишь: «Самое, самое, самое».

В ночь моего приезда в поселок снег повалил стеной. Он засыпал дома по самые окна, завалил подъезды.

— Подумаешь! — утешали меня мальчишки, когда я вышел с ними на лыжах. — Вот в прошлом месяце семь дней не могли к нам ходить поезда. Наша дорога — самая северная в мире. Знаете, как трудно ее расчищать?

Самая северная железная дорога.

Самая высокая заводская труба.

А самый крупный в стране взрыв!

В сопках из озера нужно было спустить воду. Думали-думали, как бы это сделать. Канал рыть — долго. Выкачивать — за десять лет не выкачаешь. И решили: заложим побольше торпед, оставшихся от войны, и жажнем!

Жахнули. Чуть надвое не расколосась земля от такого взрыва. В скалах пролег канал длиной в несколько километров.

* * *

А какие здесь люди!

* * *

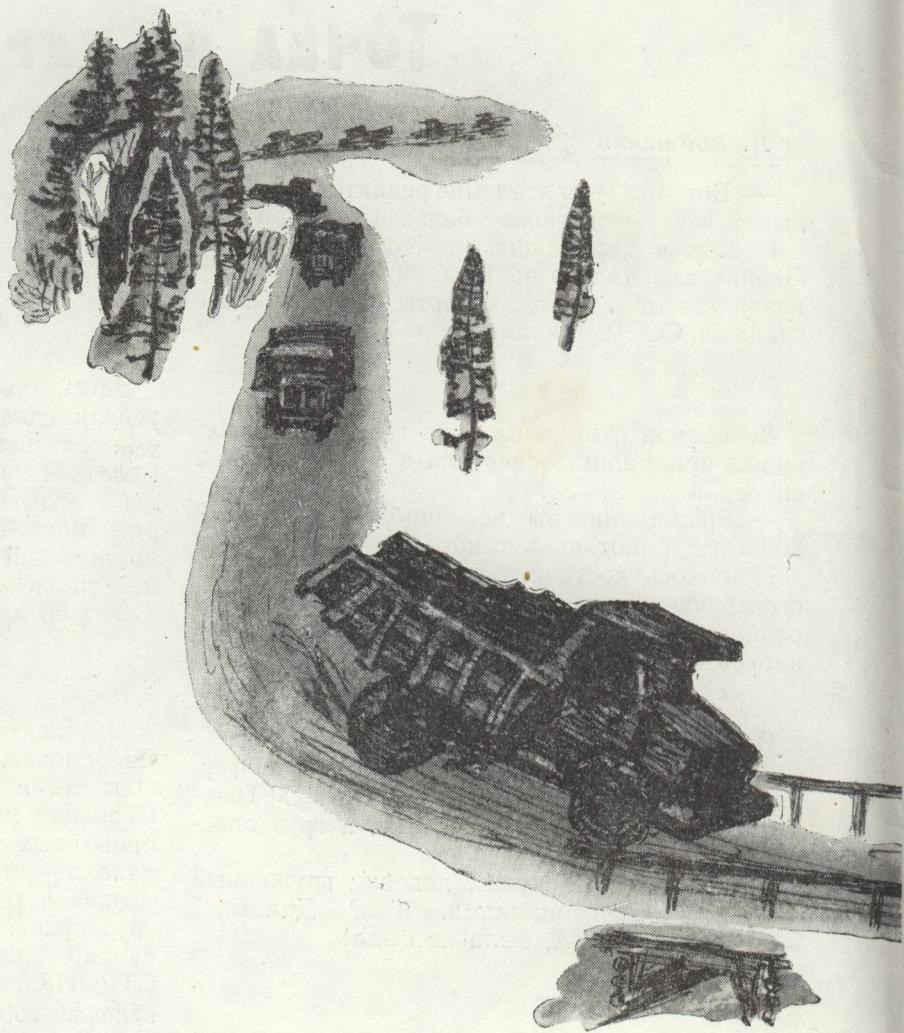
Недавно ураган пронесся над стройкой. Прекратилась работа, отключили электроэнергию. А на тресе крана осталась двенадцатитонная ферма. Она раскачивалась над зданием главного фабричного корпуса.

Кран, намертво закрепленный, вот-вот переломится от тяжести. Сорвись ферма — пропал труд всего коллектива.

— Что будем делать, мальчишки? — спросил бригадир Виктор Кудрявцев, потуже затягивая монтажный пояс и прикрывая рукавицей лицо от режущего, словно бритва, ветра.

Мальчишки не ответили. Один за другим вслед за бригадиром они полезли по зыбкой лестничке. С земли молча следили за каждым их шагом. Малейший просчет, и человека сдует с огромной высоты, как пушинку.

Пристегнув себя к колоннам, они заарканили ферму и осторожно подтянули ее к боковым балкам. Сколько времени они занимались этим — никто не помнит. Главное — все вернулись целыми.

* * *

В квартиры поселка пришли газ и вода. И это там, где трубы змеями извиваются от холода и лопаются со звоном! Как младенцев, укутывают их в войлок, закапывают глубоко-глубоко.

— С трубами мы уже привыкли работать, — сказал мне бригадир слесарей-сантехников Павел Федотов, — а вот с котлами было мученье. Сняли их в Мурманске с океанских кораблей, но как привезти — не знали. Ни на одну железнодорожную платформу не помещались. По дороге тракторами везти — встречные машины не разойдутся. Груз-то не габаритный. Целый месяц с большим риском везли по железной дороге, хлебнули горя. Теперь на очереди еще два.

Еще два котла! Их привезут с таким же

трудом и установят, и тогда в квартиры придет и горячая вода.

* * *

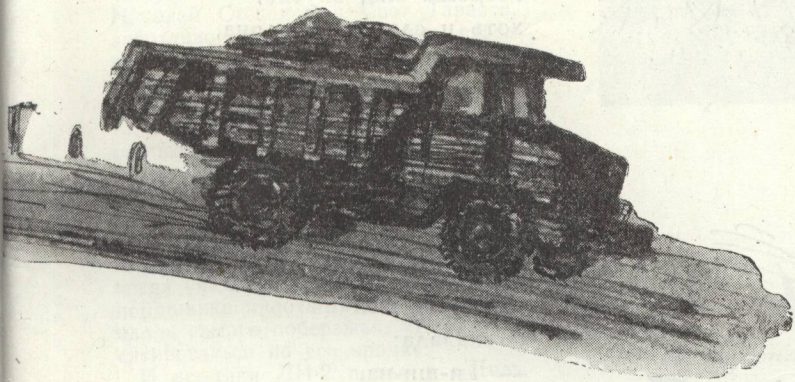
Миля Шалаева. Эту невысокого роста девушку с косичками и удивительно добрыми глазами знает весь поселок. С ней и здороваются как-то особенно тепло. Миля пятый год работает здесь, и пятый год она пионервожатая.

Где самые интересные сборы? В Милином пятом-а.

Где самые интересные дела? В пятом-а.

Кто ведет, к примеру, переписку с Маршаком? Пятый-а!

Недавно отряд собрался по секрету от вожатой. Решался наиважнейший вопрос. Обсудили и постановили: всем остаться на второй год в пятом классе!

Оказывается, ребята узнали, что Миля уезжает осенью учиться в педагогический институт, на пять лет, и, значит, не придется ей провести у них в классе ни одного урока. И подсчитали: если они теперь останутся на второй год, то Миля, закончив институт, успеет к ним учительницей хоть на полгода!

* * *

Спрашиваю у шофера Володи Ульянова:

— Не тянет домой, в Ленинград?

— А вы рыбу любите ловить?

Отрицательно качая головой.

— Э-э-э, тогда вы многое потеряли. У нас не озеро, а рыбные пастбища. В реках водится форель. А брусники летом — тьма! Бо-

лота красны от клюквы и морошки — ступить некуда. А грибов! Хоть косами коси, честное слово...

* * *

Этим людям были выданы комсомольские путевки сроком на три года. Но они сами продлили их — бессрочно.

* * *

Все мальчишки поселка мечтают стать космонавтами. Ведь на Севере служил и Юрий Гагарин, тогда еще совсем неизвестный летчик. И даже четырехлетний Илюша Мазукаев заявил мне:

— Хочу быть музыкантом и еще Юрием Гагариным. Он чу-уть-чуть до Луны не долетел!

* * *

Перед отъездом я долго стоял в сквере посередине поселка.

Он тоже необыкновенен: каждый год люди долбят в скалах две с половиной тысячи ям. Каждый год издалека привозят и сажают две с половиной тысячи деревьев.

От правления треста начинается длинный-длинный газон. На нем не распускаются весной цветы! Здесь природа слишком неподходящая для них, погода меняется сто раз на день. Взойдет на газоне... овес. Жителям поселка он дороже, чем южанам — розы. За ним будут тщательно ухаживать, оберегать от ветра и дождя.

Еще дальше в сопки шагнет поселок. И вместе с ним еще дальше протянутся скверы на скалах.

* * *

Уезжал я экспрессом. Тепловоз долго плутал, разрезая тьму прожектором. Наконец сопки немного расступились. Далеко-далеко во мраке полярной ночи полыхало над хребтами электрическое зарево.

И я сделал последнюю запись в путевых заметках:

«Немедленно поставьте на картах новую точку! Встает в Заполярье город! Город горячков! Город горячих сердец!»

Зима 1962 года
Заполярье — Ленинград

А КАКОЕ БЫЛО ЛЕТО?

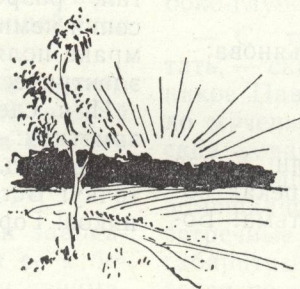
Было это лето
солнечного цвета,
с белыми палатками,
с камешками гладкими,
с удочками и грибами.
И с черничными губами.

ШЕЛ ПО ЛЕСУ ЧЕЛОВЕК

Шел по лесу человек —
Пантелеев Колька.
И одет был человек
в трусики — и только.
И была у человека
кожа шоколадная.
И была в лесу прохлада
самая приятная.
И стояло в небе солнце
круглое и яркое.
И оно все лето было
чрезвычайно жаркое.
А теперь в лесу погода
мокрая, осенняя.
Но по лесу человек
ходит, тем не менее.
На лице его серьезном
нет осенней грусти.
Человек собирает
рыжики и грузди.

НЕ СЕБЕ, А ЛЮДЯМ

Говорил подсолнух:
«У меня на темечке
выросли под солнцем
подсолнечные семечки.
Люди! Эти семечки
вы себе возьмите.
Щелкайте, пожалуйста,
или масло жмите».

Константин Высоковский
Рисунки Е. Захарова

НАША КАША

Разгорелся
уголек —
разогрелся
котелок.
Разогрелся — заворчал.
Колька
ложкой постучал,
деревянной ложкой —
ложкой-поварешкой:
мол, поспела каша,
полевая, наша.
Хороша она, вкусна,
хоть и слишком солона,
и с дымком немножко...
Хороша и ложка.

ТИШИНА

Из-за облака луна
высунула венчик
и сказала:
— Ти-ши-на,
попрыгун-кузнечик!
Задремал мухомор.
Сойки сели в гнезда.
Тишина вошла во двор —
зажигает звезды.
Помолчать хотел сверчок,
но ему не спится,
все скрипит его смычок,
не уgomонится.
Недолга ночная темь.
Рано-рано летом
темноту сменяет день
золотым рассветом.
Засияют без огней
лес, поля, дорога.
Хорошо, что новых дней
много, очень много.

Под крылом — шестой континент

Два больших великолепных самолета стоят на аэродроме Мирного — ИЛ-18 и АН-10. Они могут поднять в воздух сразу несколько тонн груза или несколько десятков человек. На таких машинах только и летать в Антарктиде!

Но на шестом континенте этим громадным самолетам нужны отличные ледовые аэродромы, длинные взлетно-посадочные полосы. А таких аэродромов в Антарктиде пока что совсем немного, строить их тяжело, они недолговечны.

И поэтому мы перебираемся в другой самолет, чтобы путешествовать вдоль побережья Антарктиды. Маленький юркий ЛИ-2 берет на борт всего двенадцать человек, но зато ему нетрудно сесть прямо на ледник или взлететь со льдины.

— ЛИ-2 знает минусы антарктического климата, — говорят летчики Николай Степанов и Свет Тарасов, заботливо осматривая машину перед полетом. — Этот самолет побывал в переделках!

Был с ним такой случай.

...ЛИ-2 возвращался в Мирный осенью, когда погода особенно капризна и неустойчива. Радист постоянно поддерживает связь с Мирным и недаром торопит летчиков: предостойт плохая погода.

До станции оставалось два часа, когда вышли из строя приборы — помощники пилота. Что делать? Идти вдоль самого побережья, чтобы ориентироваться по его кромке.

И все-таки ЛИ-2 попал в метель и заблудился. Он кружил недалеко от Мирного, слышал его радиосигналы, но не мог найти дороги к станции. Летчики вели самолет вслепую и запас горючего катастрофически уменьшался.

Медленно, метр за метром, снижался самолет. Тридцать метров, двадцать, десять... Экипаж напряженно всматривался вниз.

— Вода! — радист Николай Старков первым заметил просинь океана. Пилот резко поднял машину вверх. На некоторое время опасность миновала.

Через полчаса — опять снижение вслепую. На этот раз удачно: самолет приземлился на леднике. Наконец кончилась метель, и ЛИ-2 нашел дорогу в Мирный.

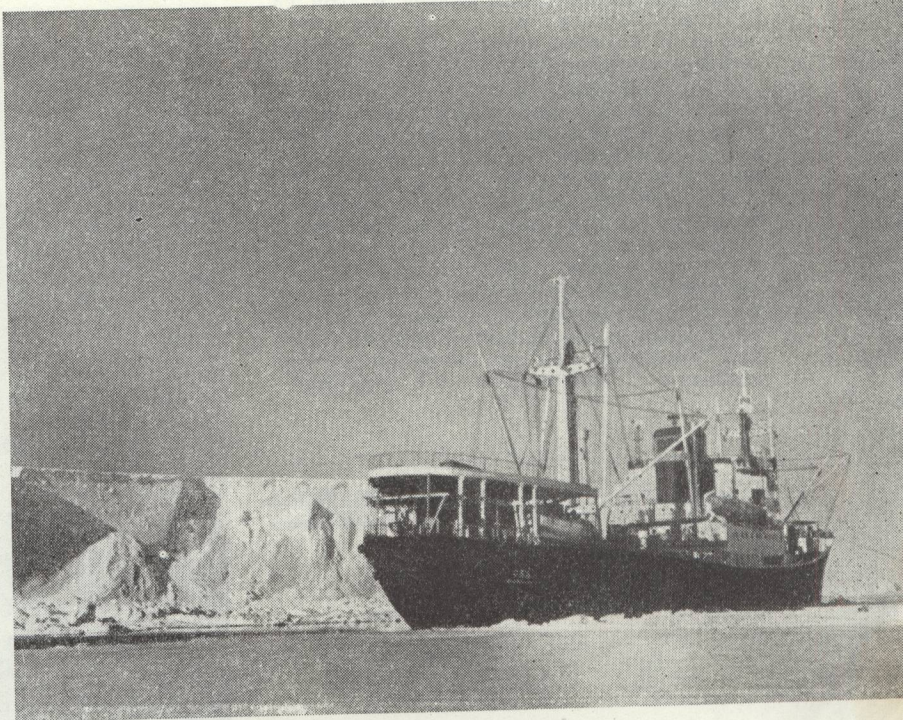
Окончание. См. «Костер» № 6, 7, 1962 г.

И И А З Г И И В А И Т А Р К Т И Д А У

Ю. Гаврилов

Фото автора

Не раз приходилось летчикам убеждаться в том, что ЛИ-2 — самая подходящая машина для перелетов по незнакомым районам Антарктики.

Внутри этот надежный «воздушный вагон» выглядит своеобразно. Справа — большой желтый бак для бензина, на нем — спальные мешки. Это — место отдыха. Чуть ближе к кабине пилота — маленькая газовая плитка, на которой бортмеханик Юрий Курбатов готовит борщ. На другой стороне кабины — раскладушка.

Первая остановка нашего маршрута — австралийская база Моусон, названная так в честь знаменитого полярника. Километрах в двадцати от нее сверкающий белоголубой ледник, куда приехали встретить нас австралийские зимовщики.

База Моусон — в отличие от нашей — стоит на камнях и не занесена снегом. По соседству с базой несколько маленьких озер.

В солнечные летние дни, когда вода в озерах прогревается, здесь даже купаются. Купание в Антарктиде! Трудно поверить, что это возможно, но австралийцы рассказывали нам о таких смельчаках.

Советских и австралийских зимовщиков связывает искренняя дружба. В трудную минуту наши ученые не раз помогали австралийцам.

Однажды радисты Мирного получили неприятную телеграмму. В Моусоне тяжело заболел механик Аллан Ньюмен. Доктор делал все, что мог, но состояние больного ухудшалось.

Погода стояла нелетная, вывезти Ньюмена не было никакой возможности. Врач Мирного несколько раз давал консультации по радио своему австралийскому коллеге. В первый же летный день советский самолет доставил на австралийскую базу лекарства и новейшие медикаменты, которых не было у австралийцев. Вскоре ИЛ-18 перевез больного на американскую базу Мак-Мердо. Оттуда механика переправили в Австралию...

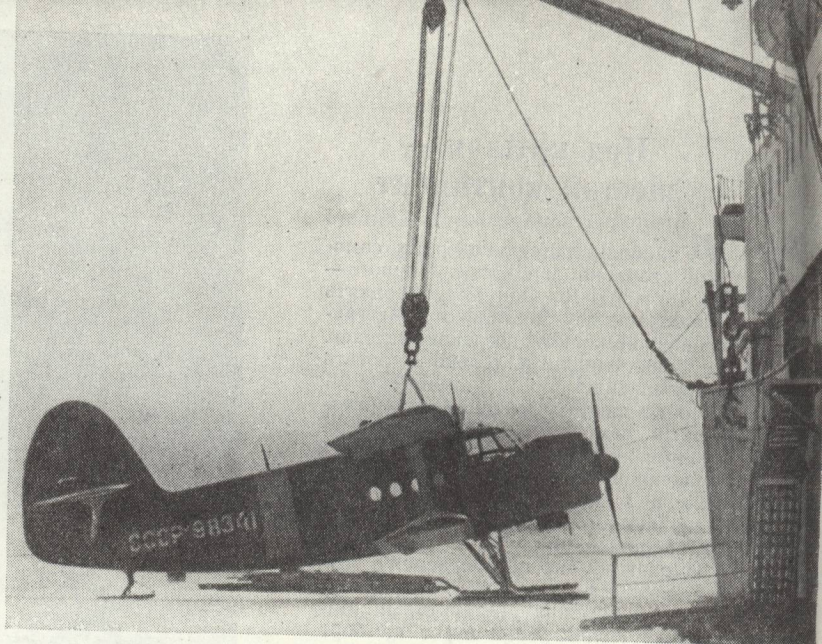
Этот случай все помнили в Моусоне и нашим летчикам приходилось выслушивать слова благодарности.

После Моусона мы хотели лететь на японскую научную базу Сиова, но неожиданно маршрут изменился.

Далеко от берега в тяжелых льдах застряла «Обь» с новой сменой зимовщиков. Полутораметровый лед затруднял продвижение ледокольного судна, иногда «Обь» проходила всего две-три мили в сутки.

Наши летчики решили помочь «Оби» и составить ледовую карту. Ледовая разведка проводится так. ЛИ-2 снижается на тридцать-сорок метров и пролетает над скоплением торосов, над разводьями. Иногда края восьмидесятиметровых айсбергов оказываются над нашей головой. Штурман Евгений Попов торопливо заносит на карту этот маршрут.

**Японские аэрологи
запускают радиозонд**

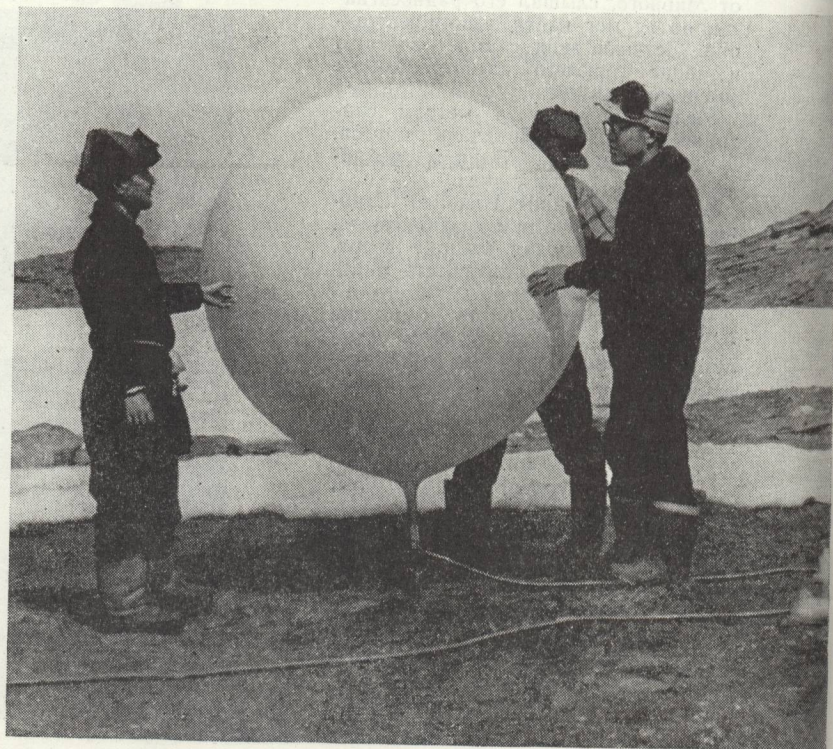
Выгрузка самолета АН-10 с «Оби»

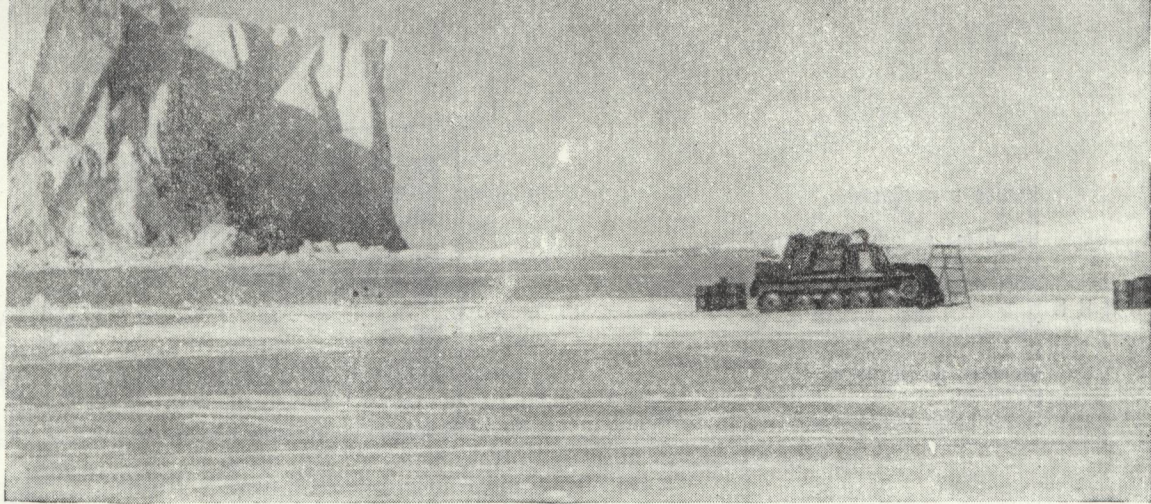
Ледовая разведка окончена. ЛИ-2 находит «Обь», затертую во льдах. Верхушки мачт судна уже совсем близко от нас. Бортмеханик Юрий Курбатов закладывает карту в деревянный патрон, привязывает к нему красный вымпел. Потом ложится на пол у открытой двери самолета и по сигналу пилота сбрасывает вымпел вниз. Описав дугу, вымпел падает на лед рядом с судном. Теперь «Обь» найдет лучший маршрут, ей легче будет бороться со льдами.

ЛИ-2, помахав морякам крыльями, продолжает свой путь.

Японская база Сиова, куда мы направились, почти самая маленькая в Антарктиде. Но на ее долю выпали большие трудности. Японские зимовщики рассказали нам только об одном случае.

Японский ледокол «Соя» не смог подойти к берегу и выгрузил почти все продовольствие, привезенное полярникам, на айсберг. Выгрузил и ушел. А когда началась метель, айсберг с грузом оторвало от ледяного припая и унесло в океан. Зимовщики так

Вездеход на льду океана

и остались ни с чем. Целый год они довольствовались только аварийным запасом продуктов.

Метель принесла и другое несчастье. Молодой метеоролог Фукушима ушел в пургу на метеорологическую площадку и не вернулся.

— Антарктида не вернула его нам, — жаловались японцы.

Теперь на карте Антарктиды нет больше населенного пункта Снова. Семья южнополярных зимовок уменьшилась. Японцы перестали работать в Антарктиде...

Мы прилетели в Новолазаревскую полярной летней ночью, когда светло, как днем. Эта станция расположена в глубине шестого континента, на берегу озера, всегда покрытого толстым льдом. Новолазаревская существует второй год. Станция молодая, и зимовщики здесь почти все — молодежь!

На каменистом склоне невысокой горы — одна улица, четыре домика, несколько маленьких научных павильонов. Здание гостиницы почти всегда пустует. Десять месяцев в году Новолазаревская отрезана от всего мира, только радио связывает ее с Большой Землей. А «гостиницу» построили в те дни, когда только создавалась эта антарктическая база.

В Новолазаревской я познакомился с человеком, о котором много слышал еще до полета в Антарктиду.

Это ленинградский врач Леонид Rogozov, он с двенадцатью другими зимовщиками провел на станции целый год.

— Я все время чувствовал себя бездельником, — улыбаясь рассказывал мне Леонид, широкоплечий коренастый молодой человек. — Люди работают, а я сижу и жду — не заболит ли кто-нибудь...

Заболел сам врач. Его уложил в постель сильнейший приступ аппендицита. Выход мог быть один — операция. Но кто ее сделает? Ведь никаких других врачей, кроме него, не было на базе. И Rogozov решил сделать операцию самому себе. Это было неслыханно. Никто из товарищей Леонида не понимал в медицине. Инженер-водитель Теплинский мог только держать зеркало в ногах больного врача, чтобы хирург видел операционное поле. Ассистентом был метеоролог Артемьев, он подавал Леониду инструменты.

Около часа длилась операция, и все же Rogozov закончил ее успешно.

Удивительное мужество и самообладание проявил в Антарктиде советский врач. О его подвиге знает весь мир.

Я побывал у Леонида дома. В комнате на полу я увидел огромную двухпудовую гиру.

— Это мой спутник, — Леонид легко поднимает гиру. — Я привез ее с собой из Ленинграда и занимаюсь каждый день. Если бы был послабее, не знаю, закончил бы операцию или нет...

Отважные и мужественные, идут в наступление на шестой континент советские полярники. Только сильным покоряется Антарктика.

И вот мы снова на нашем ЛИ-2 поднимаемся в воздух. Впереди уже знакомые места — снова Моусон, Мирный. Начинается обратный путь.

Кончилось наше путешествие.

Советские ученые гляциологи бурят лед океана

Н
Н
Н
Н
Н
Н
Н
Н
Н
Н
Н

Нынче в клубе:
Н
Ну, а вы за какую группу?
Н
Нет, Оля Николаева неправ!
Н
Наградили...
Н
Новости из Ветлуги.
Н
Наше бюро объявлений.

КЮК спорит

Продолжаем обсуждать заметку

„ВАШ БИЛЕТ?“

(см. «Костер» № 2, 4)

Дорогой КЮК! Я думаю, что Оля Николаева права. При коммунизме всё будут делать машины. При коммунизме люди лишь только будут вспоминать о плохих отметках.

Лида Цуканова
Целинный край

**За что она
на меня сердится?**

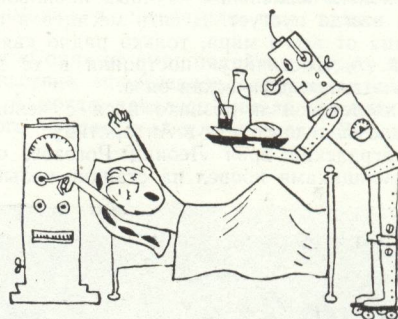
В нашем классе есть уроки домоводства. Сейчас мы изучаем кулинарию. Нас разделили на две группы. Каждая группа должна была закупить себе продукты. Получилось так, что первая группа закупила не всё, а вторая — всё. Когда первая группа стала просить у второй недостающие продукты, учительница не позволила нам делиться. Тогда первая группа обиделась и ушла с занятий.

Я во второй группе, а моя подруга в первой. После этого случая она стала ко мне равнодушна. А я не понимаю — за что?

Надя Нестеренко
Барнаул

КЮК предлагает

Ребята! Давайте поможем Наде разобраться. За какую вы группу — за первую или за вторую?

Дорогая редакция! Я не согласна с Олей Николаевой. Она говорит, что при коммунизме человек не будет работать. Это неправильно! Человек будет управлять машинами, строить жилые дома, долетит до Луны, а там и до звезд недалеко!

Лида Макеева
пос. Красный Кут Саратовской обл.

Я хочу быть строителем. Вот я выучусь и пойду работать. Наступит коммунизм и окажется, что мне нечего делать. За меня всё делают машины. А ты сиди и смотри на их работу...

Нет, я не согласна с Олей! Если человек не будет работать, он станет ленивым и вялым.

Натasha Письменная
Коми АССР, Чернореченское п/о

ЕЩЁ РАЗ О СКРОМНОСТИ

В «Костре» № 3 я прочитала письмо Вали Сысоевой «Скромность — что же это такое?» Я решила рассказать один случай, который был у нас в школе. Недавно у нас была линейка и некоторым ученикам вручали грамоты. Одной девочке из 7-а класса вручили грамоту за участие в художественной самодеятельности, за исполнение танца. Она не одна, конечно, исполняла этот танец, а группа девочек, и не она его сочинила, а просто вычитала из книги и с нами разучила. Когда ей вручили грамоту, она даже не соизволила нам показать, подняла голову повыше, прошла мимо всех и не стала разговаривать. Я думаю, что она поступила нескромно. А вы как думаете?

Люся Ибанеева
Башкирия, пос. Виллюйка

Находка лесорубов

Недавно лесорубы нашего лесокombината свалили высохшую осину. Когда обрубили сучки и стали ее разделявать, то заметили, что бензопила покрылась чем-то липким. Это был мед.

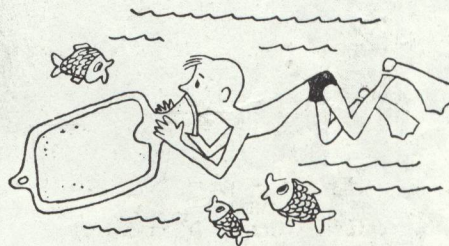
Веселые возвращались лесорубы с работы. Каждому досталось по котелку меда. Хороший подарок преподнес им старый лес.

Тамара Парфенова
г. Ветлуга Горьковской обл.

Пионер Саша Николаев из Алтайского края сделал выдающееся открытие. Он придумал простейший аппарат для плавания под водой. Описание аппарата мы нашли в Шашином письме:

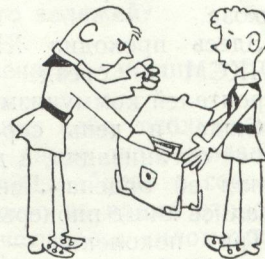
«Я долго думал, как сделать простейшую водолазную маску, но так, чтоб не соединяться с поверхностью воды никакими средствами. По-моему, таким аппаратом

может быть грелка. Я испытал, что под водой с ней можно продержаться более пяти минут, если ее надуть слегка воздухом изо рта».

Экспедиция КЮКа обнаружила в поселке Веселые Терны (Днепропетровская область, Кривой Рог, 17) обычаи времен Древней Руси. В Веселых Тернах до сих пор собирают дань. Вот что сообщают нам об этом участники экспедиции Нина Гоф и Алина Клименко:

«Шелест Анатолий не подчиняется никаким правилам. Он требует у учеников завтраки, а если ему не дают, начинает драку — ведь он староста!»

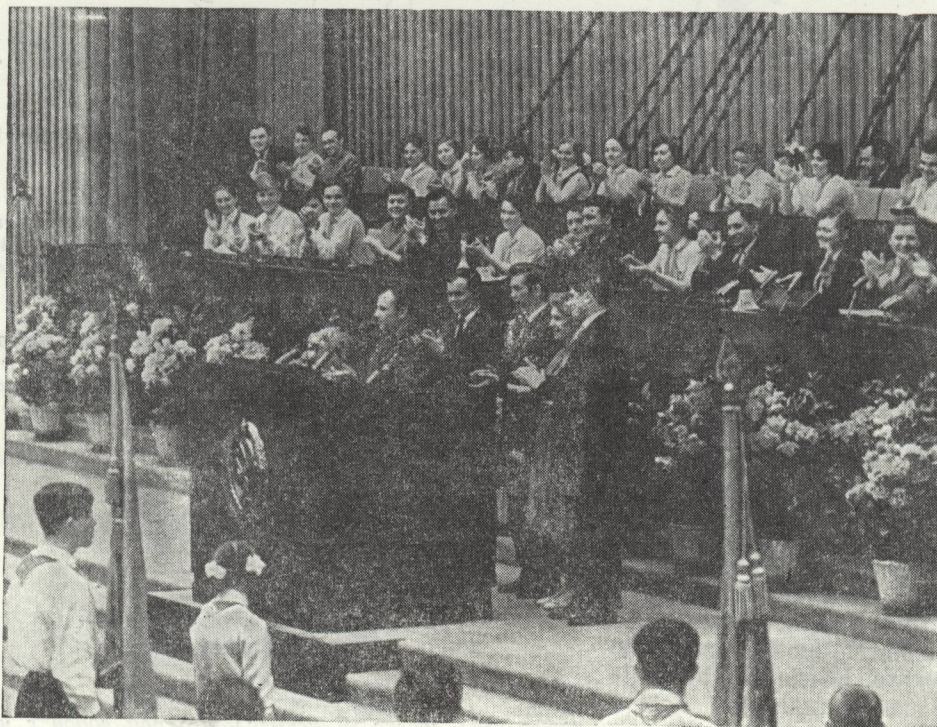

Внимание, внимание! Читатели, живущие в Казахстане! Срочно найдите Юру Жирнова. Его разыскивают друзья из поселка Мостовской Краснодарского края. Они пишут:

«Дорогой КЮК! Напечатай, пожалуйста, это письмо к нашему другу Юре Жирнову. Когда он уезжал в Казахстан, нас не было дома, и мы не смогли взять его адрес.»

Ребята, которым знаком Юра! Покажите ему наше письмо и скажите — пусть он нам напишет.

Юра! Тебе передают привет все ребята из твоего бывшего класса и мы — Вася Чурилов, Валя Гордиенко и Лена Одинцова».

НАШИ ВОЖАТЫЕ

Большой Кремлевский Дворец съездов...

Здесь XXII съезд КПСС принял Программу Коммунистической партии Советского Союза.

Здесь проходил XIV съезд ВЛКСМ — съезд молодых строителей коммунизма.

Сюда, в день сорокалетия своей организации, в день вручения ей ордена Ленина, собрались юные пионеры.

Три поколения — а дело одно. И старшие — в ответе за младших.

Говорит Герман Ламочкин: «Нашу смену нам и воспитывать; это станет девизом жизни каждой бригады коммунистического труда, каждого рабочего коллектива».

Герман Ламочкин — знатный строитель, депутат Верховного Совета СССР. Возможно, кто-то из тех, кто слушает его се-

годня, будет жить в доме, пойдет в школу или поведет сестренку в детский сад, которые выстроены Германом и его товарищами. Это они к пионерскому юбилею сделали замечательный подарок юным ленинцам — Дворец пионеров на Ленинских горах.

Много верных друзей у ребят.

Слушая Юрия Алексеевича Гагарина, летчика-космонавта, Героя Советского Союза, ребята мечтают слетать в космическом корабле на другие планеты.

Вот Борис Майоров. Все мальчишки знают его, капитана сборной хоккейной команды «Спартак». Много раз Борис отстаивал честь советского флага на зарубежных стадионах. А ведь первые шаги в спорте он делал в пионерской организации, первой его спор-

тивной наградой был значок БГТО.

Нина Ноздрина — знатный животновод совхоза «Заокский»; Евгений Шулепин — инженер. От имени всех комсомольцев Москвы он обещает: «Мы придем к вам, дорогие мальчишки, вместе будем ходить в походы, на рыбалку, научим вас водить машины, мастерить интересные модели.

Мужская дружба — крепкая! Наше слово — твердое!»

А сколько таких замечательных парней и девчат работает с пионерами!

Свыше двухсот тысяч рабочих, колхозников, инженеров — людей с горячим сердцем и умелыми руками — вожатые в пионерских отрядах.

Радостно равняться на таких вожатых!

Г. Михайлова

БЕЛЫЕ ПАРОХОДЫ

В. Железников

Рисунки А. Сколозубова

Когда Рите исполнилось двадцать девять лет, она решила, что возраст этот уже не маленький, что старость не за горами и пора наладить бестолковую жизнь их семьи. Поэтому она сказала своему мужу Глебу и сыну Павлу, что отныне они будут жить, как все люди: в отпуск ездить к морю, вовремя обедать и завтракать и купят телевизор. При этом она выразительно посмотрела на Глеба.

— Пожалуйста, — неохотно сказал Глеб. — Я совсем не против.

— А как я теперь буду вас называть? — спросил Павлик.

Дело в том, что Павлик называл своих родителей по имени. Это повелось еще с того далекого времени, когда Павлик был совсем маленький, а Рита и Глеб такие молодые, что никто не принимал их за настоящих родителей.

Рита подумала, посмотрела на себя в зеркало, взбила прическу и ответила:

— Это может пока остаться по-старому.

Павлик с сожалением посмотрел на отца. В жизни Павлика ничего, собственно, не менялось. В конце концов не так уж трудно приходить вовремя к обеду и есть какие-то супы и котлеты, хотя в общем-то глупо есть эти супы, когда продаются такие вкусные вещи, как колбаса или консервы в томате. Но вот отцу это угрожало гораздо большим.

— Долго ты еще собираешься работать в этой экспедиции? — спросила Рита.

Наступила минута молчания.

— До лета поработаю, — ответил Глеб. — А потом брошу экспедицию и мы отправимся все вместе к морю.

Этот разговор произошел на квартире Гоголиных зимой. Потом Глеб уехал снова в экспедицию на Ангару, а Павлик и Рита продолжали жить в городе. Они ждали лета и часто по вечерам мечтали о море.

Наконец пришло лето и приехал Глеб.

Рита была на работе. Павлик гулял во дворе.

— Долго ты не приезжал! — сказал Павлик. — Опоздал на десять дней. — Он взял у отца чемодан, и они медленно пошли к подъезду.

Чемодан был тяжелый. Вероятно, отец снова привез образцы железной руды. Пав-

лик помахивал чемоданом на ходу, точно пистолетом. У них с отцом было правило: раз взялся нести, то уж терпи.

— Ну, как руда? — спросил Павлик. — Определили точное место залежей?

— Нет, — ответил Глеб.

Раз отец не хочет отвечать — значит, что-то не так.

Сколько Павлик помнит себя, столько его отец ищет эту руду. Во дворе отца прозвали «рудокопом». Раньше отец работал в городе, в институте, а каждое лето во время отпуска уплывал по Ангаре, за четыреста километров, чтобы искать руду. Когда-то там работала маленькая экспедиция, и в ней на практике были отец и мать Павлика. Потом экспедицию закрыли, решили, что крупных залежей в том районе нет. Все так решили, кроме отца. И с тех пор он уходил в тайгу. У других мальчишек отцы уезжали в отпуск на рыбалку или в деревню, а его отец искал в тайге руду. А в прошлом году он переехал на строительство нового сланцевого комбината, чтобы быть поближе к району своих поисков.

Они вошли в квартиру.

— Ну, расскажи про свои дела, — попросил Глеб.

— перевели в пятый, — ответил Павлик. — Одна тройка — по истории. Понимаешь, история — скучиша. В таком-то году, да в таком-то году... В общем я все знаю, а подробности рассказывать не люблю, и за это мне снижают отметки.

— Никогда ты, брат, не вылезает из троек.

— Подумаешь, — сказал Павлик, — история...

— Если ты ничего не понимаешь в истории, — ответил Глеб, — то лучше помолчи. Кем бы мы стали, если бы не знали истории. Ты бы, например, не знал, кто такой Колумб или Спартак.

Павлик молчал, делал вид, что отец говорит самые обыкновенные вещи.

— Как мать? — спросил Глеб.

— Хорошо, — ответил Павлик. — Ждет тебя и собирается в отпуск. Шьет летние платья. Несколько штук уже сшила. Купальник купила и беленькую резиновую шапочку, чтобы волосы в море не мокли. А по-моему, не интересно, если волосы сухие после купания. Просил, чтобы купила мне ласты и маску для плавания — она не хочет. Говорит, научись сначала плавать.

В прихожей хлопнула дверь. Это пришла Рита.

— Молодец, быстро пришла, — сказал Глеб.

— Передвигалась со скоростью реактивного самолета, — ответила Рита.

Они поцеловались. Мать всегда немножко смущалась, когда приезжал отец после длительного отсутствия, и Павлик это понимал, он стал смотреть в окно.

— Как вы здесь жили? — спросил Глеб.

— Не жили, а ждали, — ответила Рита. — А теперь мы наконец поедem к морю. Ну прямо ужас как хочется к морю. — Она закрыла глаза.

Это был самый подходящий момент для Павлика, чтобы вступить в разговор, и он сказал:

— Что ты закрыла глаза?

— Это серое небо мешает вспоминать море, солнце и пароходы.

— У нас по Енисею тоже ходят пароходы.

— Ну что ты, Павлик, — сказала Рита. — Там совсем другие пароходы. Там все пароходы белые. Понимаешь? Синее море, высокое небо, солнце... И вдруг далеко в море появляется белый пароход. Он ярче солнца, и тебе все кажется, что он пропадет, исчезнет, что не может быть в жизни такой красоты. А он не пропадает. И вот он уже стоит на пристани, чтобы тебе стать счастливым, нужно сде-

вать десяток шагов, и ты взойдешь на его палубу. А потом поплывешь по морю.

Глеб промолчал, и Павлик промолчал. Видел, что отец в неважном настроении. И не ошибся. Утром, когда он еще лежал в кровати, услышал разговор родителей.

— Значит, мы опять не поедem? — спросила Рита. — Я собиралась, ждала. Павлик тоже ждал. В институте всем расхвасталась.

— Я сейчас не могу уехать из экспедиции. Потерпи еще месяц.

— Ах, опять двадцать пять! Месяц, еще месяц!.. Я уже жду десять лет. Это выше моих сил. Если ты не устал, подумай обо мне.

— Уехать сейчас из экспедиции я не могу, — сказал Глеб. — Мы ведь сделали еще только три скважины. Столько лет я этого добивался, а теперь, когда мне дали буровой станок, я уеду. Это просто предательство.

— Ты любишь громкие слова. «Предательство!» — сказала Рита каким-то неестественным голосом. — Это смешно, но в доме до сих пор никто не знает даже нашей фамилии. Меня называют женой «рудокопа», Павлика — сыном «рудокопа».

— Ну хорошо, — сказал Глеб. — Хватит.

— Что хорошо? — спросила Рита. У нее все еще был неестественный голос.

— Ты поедешь с Павликом к морю, — сказал Глеб. Пожалуй, он тоже говорил неестественным голосом. — Будешь там купаться и загорать, смотреть на свое синее небо и на свои белые пароходы.

— Хорошо, — сказала Рита. — Я поеду!

— Хорошо, — сказал Глеб. — Поезжай!

Они оба сказали «хорошо», хотя ничего хорошего в их разговоре не было. Из всей этой истории Павлик усвоил только одно: лучше, когда родители разговаривают естественными голосами.

* * *

Они приехали в Гагру, сняли комнату и тут же побежали к морю.

По дороге на пляж их остановил милиционер. Он строго посмотрел и сказал:

— Старшина Нанба. Добро пожаловать к нам в город, но имейте в виду, что у нас женщинам в брюках ходить не полагается: в кино не пускают, в ресторан тоже не пускают.

— Хорошо, — ответила Рита. — Мы только приехали, а в дороге, знаете, удобнее в брюках.

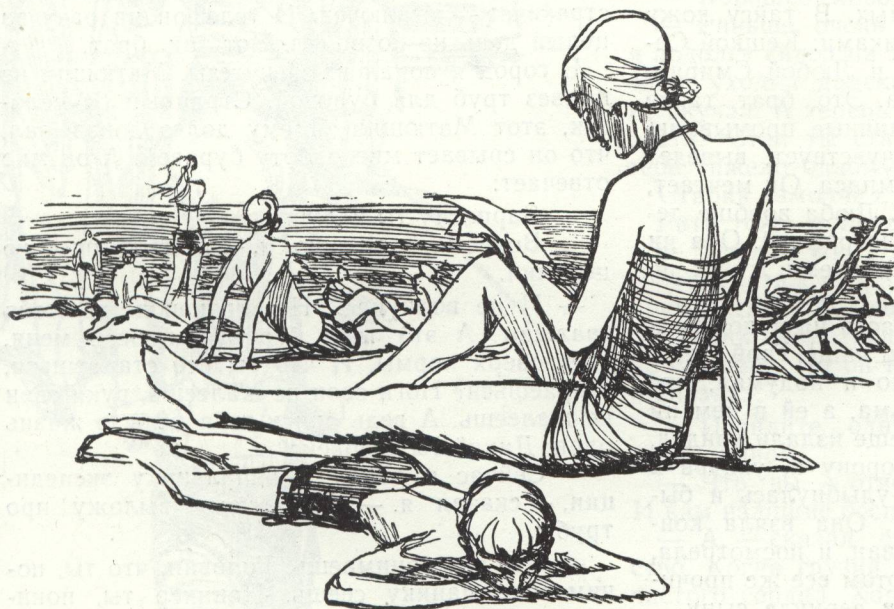
— Удобно — это еще не значит достойно, — сказал Нанба. — Женщина ходит в платье, мужчина — в брюках. Тысячи лет.

— Ну, знаете ли, с тех пор многое изменилось, — сказала Рита.

— Но не в этом, — ответил Нанба.

На пляже собралось много народу и невозможно было найти свободного места. Рита и Павлик стояли в полной растерянности. Их ошеломила эта новизна лиц, эта шумная, разноцветная толпа, это сверкающее солнце. Но тут какой-то мужчина в больших зеленых очках потеснился, и они быстро разделись на небольшом клочке земли и побежали в море.

Хорошо Рите — она отлично плавала, а Павлику пришлось барахтаться у берега, среди

совсем маленьких ребят. Поэтому ему скоро надоело и он вернулся к тому месту, где они разделись, и лег загорать.

Рита вышла из моря, подошла к Павлику и стала хлопать его влажными, холодными руками по спине.

Павлик поднял голову, посмотрел на мать и улыбнулся. Не мог он не улыбаться, потому что она была такая веселая, красивая, и все вокруг на нее смотрели.

— Пошли, я тебя буду учить плавать, — сказала Рита.

— Пошли, — ответил Павлик.

Рита держала его под животом, а он отчаянно бил ногами, лупил руками. Потом он увидел, что их сосед направил на них бинокль. «Смотри, смотри, — подумал Павлик. — Смотри, смотри, как нам весело и хорошо вдвоем».

— Белый пароход, — сказала Рита.

И Павлик увидел первый белый пароход. Он шел по самой кромке моря, там, где оно сливалось с небом. И было даже непонятно, то ли он идет по морю, то ли летит по небу.

— Ох, здорово! — сказал Павлик. — Жалко, нет с нами Глеба.

— Да, — ответила Рита. — Конечно, жалко.

В этот же день они отправили Глебу телеграмму со своим адресом. Теперь они каждый день утром, перед тем как идти на пляж, заходили на почту и в окошке «до востребования» спрашивали, нет ли письма Головиной

Мargarите Петровне. Но Головиной писем не было. Не писали писем Головиной.

— Ну и ладно, — сказала Рита. — Не пишет — и не надо. Давай теперь два дня не ходить на почту.

Павлик промолчал: два дня не ходить на почту — это было слишком. На следующий день он, ни слова не говоря, завернул опять к почте, но мать остановила его.

— Мы же договорились не ходить на почту, — сказала Рита.

— А вдруг нам пришло письмо, — ответил Павлик.

— Нет там никаких писем, — сказала Рита.

— Знаешь что? Давай зайдем на почту вечером, когда придет вторая почта.

Павлик неохотно согласился, и они отправились к морю. Настроение у них было неважное.

Потом они долго купались и долго загорали. А когда вертолет взлетел над ними — вертолетная площадка была тут же на берегу моря, — Павлик сказал:

— Знаешь что? Пойду-ка я на почту. Вертолет ведь привозит из Адлера вторую почту.

— Возьми мой паспорт, — сказала Рита.

На почте, в окошке «до востребования», девушка уже знала Павлика, поэтому она, вопреки установленному правилу, выдала ему письмо по чужому паспорту.

На конверте рукой Глеба было написано: «Головиной М. П.». В скобках: «Лично для Павлика».

Павлик тут же распечатал письмо и прочел:

«Дорогой Павлик, — писал Глеб. — Жизнь моя протекает без особых изменений. Буровая прошла только двести метров. Работаем медленно. Грунт крепкий — девятой категории! За восемь часов бурения проходим всего два-три метра. А нам надо будет пройти метров семьсот, чтобы выяснить предельную глубину и расположение рудного тела. До железорудной залежи еще не дошли. Я же пока по-прежнему в свободное время хожу в тайгу и составляю геологическую карту местности. А то просто смешно, до сих пор нет геологической карты этого района. А здесь ведь полно ценнейших полезных ископаемых. В тайгу хожу не один, а с двумя помощниками: Кешкой Савушкиным, сыном шофера, и Любой Смирновой, дочерью бульдозериста. Это, брат, такие ребята, что ой-ой-ой! Отличные промывальщики. Кешка — тот тайгу чувствует, выведет из любого болота лучше компаса. Он мечтает, как и ты, быть геологом. А Люба вообще девочка с очень интересной биографией. Она ни разу не была в городе. Все время живет по экспедициям.

У нас здесь прохладно, часто идут дожди и сильно шумит Ангара. Пиши чаще. Твой отец».

Павлик перечитал письмо и подумал, что мать так долго ждала письма, а ей в нем ни слова. Он пошел к морю и еще издали увидел, что мать смотрит в его сторону и, увидев в его руке письмо, радостно улыбнулась и быстро пошла ему навстречу. Она взяла конверт, увидела, что он разорван, и посмотрела, кому адресовано письмо. Потом все же прочитала письмо одним духом и вернула сыну.

Павлик видел, что у матери совсем испортилось настроение и подумал, что было бы хорошо, если бы они вдруг оказались на далекой Ангаре, и ничего, что там дождь и холодно. Счастливые какие-то там неизвестные Кешка и Любка, которые вместо него ходят в тайгу промывальщиками: моют породу и ищут руду с его отцом.

— Как ты думаешь, что сейчас делает Глеб?

— Ищет свою руду, — ответила Рита.

— Нет, — он сейчас пишет нам новое письмо — мне и тебе. — Павлику хотелось успокоить мать.

— Тебе, может быть, он и пишет, а мне — нет. Он умеет не думать о том, что ему мешает работать.

* * *

Через два дня от Глеба пришло второе письмо. Оно тоже было адресовано Павлику. Хорошо, что он пришел на почту снова один.

Когда он возвращался с письмом, его остановил старшина Нанба.

— В нашем городе по улице запрещено разгуливать без рубашки, — сказал Нанба. — Не хорошо, молодой человек. Мы ведь не первобытные люди. Надо иметь скромность и уважение к населению.

Павлик отошел от Нанбы и стал читать письмо отца.

«Дорогой Павлик, — писал Глеб, — пишу это письмо из города. Сижу дома и пишу письмо. Никогда еще мне не приходилось быть дома одному. Слишком тихо. Даже холодильник не стрекочет — выключен. И телефон ни разу за целый день не позвонил. Вот так, брат.

В город я попал из-за нужды. Матюшин не привез труб для буровой. Странный он человек, этот Матюшин. Я ему долго доказывал, что он срывает мне работу буровой. А он мне отвечает:

— Зарплату ты получил вовремя?

— Вовремя, — говорю я, — и даже премию получил.

— И не волнуйся. На производстве тебя уважают. А эта твоя буровая, прости меня, идет сверх нормы. И что ты все стараешься, стараешься? Ноги свои не жалеешь, руки свои не жалеешь. А ведь они у тебя на всю жизнь одни. Дикий ты человек.

— Сейчас я пойду к начальнику экспедиции, — сказал я. — И все ему выложу про трубы.

— Что ты, понимаешь, Головин, что ты, понимаешь, панику сеешь. Паникер ты, понимаешь. Человек, то есть я, только приехал, устал с дороги. А ты ему вцепился в бороду: подавай трубы.

В общем, пришлось мне самому ехать в город за трубами. И, знаешь, получилось это на редкость удачно. Купил новый дизель — мотор для буровой. Сильный дизель — у нас таких в экспедиции нет. Теперь работа на буровой пойдет быстрее. А еще я уговорил начальника управления провести сейсмическую разведку нашей местности. Пиши. Отец.»

Мать ждала Павлика дома. Он заранее спрятал конверт с письмом в карман брюк, потому что не знал, что ей говорить.

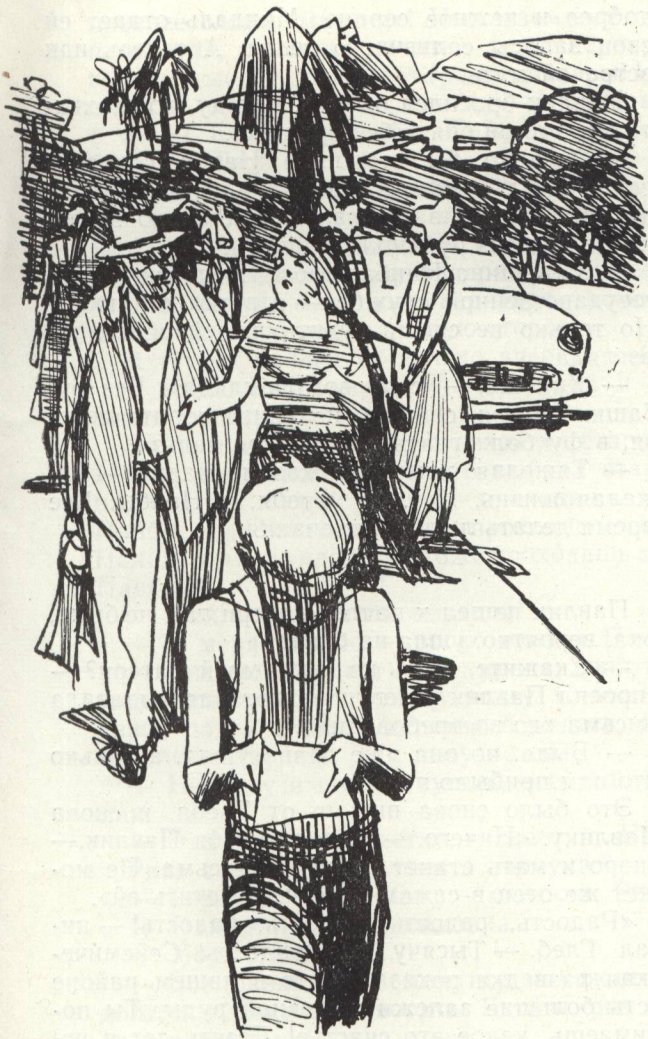
Рита посмотрела в сторону сына и спросила:

— Получил?

— Да, — ответил Павлик. — Ничего особенного. Все хорошо. Только он скучает и ждет нас.

— Он пишет об этом? — спросила Рита.

— Не то что пишет, — ответил Павлик, — скорее намекает.

Вечером Рита долго не могла заснуть. Тогда она окликнула Павлика, — хуже всего, когда не спишься, а ты один. Но Павлик не ответил.

Рита встала, зажгла свет и достала из кармана брюк сына письмо. Она оглянулась — не проснулся ли Павлик. Нет. Павлик не проснулся. Он лежал на боку, положив под щеку ладонь, совсем как Глеб.

Рита развернула письмо и стала читать. Она надеялась, что в письме есть хоть строчка, хоть полстрочки, где Глеб писал о ней. Она отлично знала Глеба и умела даже читать то, о чем он не писал, а только думал. Но сейчас, в этом письме, ни в словах, ни за словами не было ни строчки о ней.

Видно, Глеб очень обиделся на Риту, раз ничего ей не писал. Видно, он считал, что она не права. А может быть, он подумал, что она, как многие другие, перестала ему верить.

Рита вышла из палисадника и села на скамейку. Было темно. Где-то лаяли собаки, где-то разговаривали. Вышел хозяин и сел рядом с Ритой. Это был совсем старый грузин, маленький, худой, с морщинистым, загорелым, иссушенным лицом. Говорил он с сильным грузинским акцентом.

— Гамарджоба, — сказал старик.

— Что такое гамарджоба? — спросила Рита.

— Редкое слово. По-русски: здравствуй. Но это не совсем точно. Я говорю: гамарджоба! Значит, желаю тебе успеха, победы.

— Хорошее слово, — сказала Рита.

— Раньше, очень давно, — сказал старик, — я подолгу сидел на этой скамейке один. Гулял один, уходил далеко в горы один. И совсем не скучал. А теперь не могу. Думаете, от старости? Стал ты старый, Ираклий, и поэтому тебе тяжело одному.

Старик замолчал.

Рита тоже молчала.

— Теперь мир какой-то беспокойный, — снова сказал старик. — И от этого у людей друг к другу больше нежности появилось.

Старик посмотрел на Риту и понял: она его не слушает. Но он не обиделся, нет. Он встал и сказал:

— Посидите одну минуту. Сейчас я вас угощу вином.

— Что вы, — ответила Рита. — Я не пью. И вам излишне беспокоиться.

— А, — сказал старик. — Какое беспокойство. Когда грузин угощает, он делает это от чистого сердца. Хорошему человеку ничего не жалко.

— А откуда вы знаете, что я хорошая? — спросила Рита.

— Если у человека глаза то грустные, то веселые, но никогда не бывают пустые, то этот человек хороший. Старый Ираклий редко ошибается.

Он ушел, а Рита подумала: «Вот, видишь, Глеб, оказывается, я совсем не такая плохая. Это сказал сам старый Ираклий. Как жалко, что его слов не слышал Павлик, — он бы обязательно написал тебе об этом в письме».

Пришел старик и принес Рите рог вина.

— Дочка, — сказал он, — ты когда-нибудь пила вино из рога?

— Нет, — ответила Рита.

— Пей, только голову закинь повыше, чтобы не пролить. Целый год в глиняных горшках в земле стояло. Виноградное вино. Пей смело.

Рита взяла рог и глотнула вина.

— Подержи его во рту и сделай языком: цэ, цэ, цэ. А? Миндалем пахнет.

— Цэ, цэ, цэ, — сказала Рита. — Вкусное вино.

Старик взял у нее рог и допил вино.

— Теперь все твои мысли узнаю. — Он рас- смеялся.

* * *

— Дорогой, проснись.

Павлик открыл глаза. В комнате стоял ста- рик Гамарджоба. Так звали Павлик и Рита старика Ираклия.

— Сколько можно спать, дорогой! Вставай скорее.

— Доброе утро, Гамарджоба, — сказал Пав- лик. Ему нравилось это звучное грузинское слово, и он старался произносить его гортан- но, звуком из горла, как это делал старик. — А где Рита?

— О! Твоя мать, молодой человек, давно ушла на почту.

— А... — протянул Павлик.

Это была приятная новость. Видно, мать не хотела, чтобы он об этом знал. Видно, она по- тихоньку от него решила написать письмо отцу.

Старик внимательно посмотрел на Павлика и сказал:

— Впрочем, может быть, она ушла, напри- мер, на базар. Конечно, она ушла на базар. Сейчас ты встанешь, и я тебе открою один секрет.

Павлик оделся, и они вышли в сад. Старик подошел к миндальному дереву и сильно трях- нул его. Потом каблуком сапога разбил скор- лупу одного миндального ореха, поднял серд- цевину и отдал мальчику.

— Попробуй, — сказал старик.

Павлик попробовал.

— Вкусно? — спросил старик.

— Горько, — ответил Павлик.

— Это с непривычки, — сказал старик. —

Но дело не в этом. Мы берем косточки мин- даля — видишь, какие они красивые, продол- говатые и плоские — сушим на солнце, а по- том острой, горячей иглой пробиваем два от- верстия и нанизываем на капроновую нить. А потом мы красим миндальные косточки в нежные цвета. Получаются восхитительные бусы. Такие бусы носили грузинки тысячу лет назад. А дальше: ты эти бусы даришь матери. Сыновья всегда должны что-нибудь дарить матерям.

— Спасибо, — сказал Павлик. — А нельзя ли это сегодня сделать?

— Нет, нельзя, — сказал старик. — Сырой миндаль лопнет от иглы, а прогретый солнцем миндаль крепок, как гранит. Говорят, что у женщины, которая носит бусы из миндаля,

доброе и нежное сердце. Миндаль отдает ей свои запасы солнечного тепла. А теперь иди встречай мать.

Павлик бросился было к выходу, но спохва- тился, что он опять без рубашки.

— Хорошо бы старшине Нанбе поносить такие бусы, — сказал Павлик. — А то проходу не дает. Вчера задержал меня только за то, что я был без рубашки.

— Старшина Нанба строгий человек. Он на государственной службе, — ответил старик. — Но только не спеши судить людей с первого взгляда.

— Как же, — «с первого взгляда». Без ру- башки нельзя, семечки на улице сорить нель- зя, в футбол играть на пустыре нельзя.

— Тяжелая жизнь, — сказал старик. — Тя- желая жизнь. Нет, не у тебя, у Нанбы. Все время делать людям замечания.

* * *

Павлик пошел к почте. Матери там не было, она, вероятно, ушла на базар.

— Скажите, здесь не было моей матери? — спросил Павлик у девушки, которая выдавала письма «до востребования».

— Была, но она уже давно ушла, а только что вам прибыло письмо.

Это было снова письмо от Глеба, и снова Павлику. «Ничего, — успокоил себя Павлик, — скоро и мать станет получать письма. Не мо- жет же отец в самом деле не ответить ей».

«Радость, радость, радость, радость! — пи- сал Глеб. — Тысячу раз радость! Сейсмиче- ская разведка показала, что в нашем районе есть большие залежи железной руды. Ты по- нимаешь, какое это счастье! Десять лет я ис- кал руду. Десять лет я искал ее и убеждал всех, что она есть. Всего десяти лет. В общем это пустяк, и мне пришлось совсем не трудно. Поду- маешь — всего десяти лет! Как хорошо, что не два- дцать, что не всю жизнь, что не две человеческие жизни. А то я иногда ду- мал, что не успею ее най- ти, и тебе придется про- должать мои поиски. А теперь, теперь мы зай- мемся чем-то более зна- чительным. Мы займем- ся сверхглубоким буре- нием. Пройдем в земную кору, километров пятна- дцать, и дойдем до ман- тии. Какое красивое и

древнее слово «мантия»! Наша земля в ослепительной, огненной мантии с температурой в одну тысячу девятьсот градусов жары! И мы с тобой войдем в эту мантию. И прихватим с собой Кешку и Любу. Пожалуйста, расти быстрее. Твой Глеб.»

Павлик прочел письмо второй раз. От радости у него даже закружилась голова. Наконец-то отец нашел руду! Он выскочил на улицу и побежал в сторону базара, потом решил, что, пожалуй, мать уже вернулась домой, и бросился в противоположную сторону.

И тут он увидел ее далеко впереди себя.

— Рита, Рита! — кричал Павлик и бросился ее догонять.

Но по пути к Рите его перехватил старшина Нанба. Уж такое себе место выбрал старшина, что на базар идешь — проходишь мимо Нанбы, на почту идешь — проходишь мимо Нанбы, к морю идешь — тоже проходишь мимо Нанбы.

— Опять нарушаешь порядок!

— У меня письмо, — робко сказал Павлик.

— Письмо не дает тебе права вопить на улице, как дикому горному козлу. Сначала вопишь, потом будешь деревья объедать, а потом людей кусать. Так получается?

— Не буду я никого кусать, — сказал Павлик.

— Это еще неизвестно, — ответил Нанба.

Рита заметила Павлика и вернулась.

— Товарищ старшина... — сказала Рита.

— Одну минутку, гражданка...

— Но это мой сын...

— Все равно одну минутку подождите. Я должен с ним переговорить. Кстати, раз этого не делаете вы...

Рита хотела возмутиться, но потом решила, что лучше этого не делать. Лучше просто помолчать.

— Я тебе делаю третье замечание, мальчик, — сказал Нанба. — Все люди обычно предупреждают три раза, а потом принимают более решительные меры. У меня другое правило: я предупреждаю четыре раза, а потом принимаю более решительные меры. — Нанба козырнул им и медленно удалился.

— Рита, — сказал Павлик, — Глеб нашел руду!

Рита схватила письмо и прочитала его один раз, потом второй. Опять о ней ни строчки, ни даже полстрочки, точно ее нет на свете.

— Павел, — сказала Рита, — мы приехали сюда загорать и купаться в море, а не болтаться по улицам и слушать наставления бестолковых милиционеров.

Она шла очень быстро, слишком быстро. Павлик еле поспевал за ней. Всем было изве-

стно, что у Риты длинные ноги. Она поэтому выигрывала уже пятый год подряд первое место в городе по конькам.

Они пришли на пляж. Точнее, пришла Рита, а Павлик прибежал. Рита на ходу сбросила платье и туфли и бросилась в море. И плавала там целых два часа. Она легла на спину и лежала без движения. А если к ней кто-нибудь подплывал, она тут же уплывала еще дальше в море и снова ложилась на спину.

В общем, в конце концов она заплывала так далеко, что неподалеку от нее появились дельфины. И тогда к ней подплыл на лодке матрос спасательной службы и попросил ее вернуться на берег.

Все, все на пляже смотрели, как Рита плывала к берегу в сопровождении лодки.

Наконец она вышла на берег. А матрос — при ближайшем рассмотрении это оказался паренек лет четырнадцати — сказал ей в спину:

— Прошу вас, гражданка, так далеко больше не заплывать.

Хуже всего, когда делают замечания при всех. Это Павлик знал отлично. Но Рите было не до замечаний.

Через несколько дней от Глеба пришло новое письмо: «Этой ночью случилось несчастье. Я проснулся от колокольного звона. Оделся в одну минуту и выскочил. Вижу — горит моя буровая. Бросились все ее тушить, заливали водой, но поздно. Сгорела до основания. Буровой мастер Захаров заснул. Он еле успел выскочить из огня. Новый дизель, тот, что я привез из города, в огне лопнул. Теперь будут разбираться, что да как.

А ведь мы почти пробурили до глубины контрольной, до семисот метров. А теперь надо начинать все сначала».

Потом Павлику пришло еще одно письмо.

«Это, брат, такая печальная история, — писал Глеб. — Бурового мастера Захарова и шофера Савушкина, отца Кешки, будет судить товарищеский суд. А меня и Любу Смирнову записали в свидетели. Дело в том, что Захаров часто пил водку. Его уговаривали, воспитывали, но он все равно продолжал пить. Тогда решили так: не продавать ему водки в магазине экспедиции. Если вытерпит, то хорошо, а нет — пусть уезжает. Надоело с ним возиться».

Накануне пожара Люба встретила шофера Савушкина, он только что приехал на катере со Стрелки. Они остановились. Люба спросила Савушкина про Кешку. И тут к ним подошел Захаров. Небритый такой, заспанный.

— Привез? — спросил Захаров у Савушкина.

Люба заметила, что Савушкин подмигнул ему. Она никак не могла понять, зачем он ему подмигивает. А Савушкин опять подмигнул.

— Пошли, — сказал Захаров. — Нас ждут. — Он засмеялся. — Нетерпеливые стаканы нас ждут.

И только тогда Люба увидела, что карманы брюк у Савушкина сильно оттопырены. Там были бутылки. Теперь ей все стало ясно: они торопились пить водку. А потом Захаров будет бегать по поселку и вопить разные песни.

Все удивлялись, откуда Захаров берет водку, когда в магазине экспедиции ему ее не

продают. Оказывается, ему Савушкин привозит. Савушкин — такой хороший Савушкин, отец Кешки — и обманывает всех.

— Савушкин! — окликнула Люба. — Подождите!

Савушкин остановился, а Захаров пошел дальше.

— Савушкин, зачем вы привезли водку?

— Да какая же это водка? Что ты! Разве водку можно? Пару пива взял, жажда мучает. Он врал, и Люба не стала его слушать.

— Люба! Ты погоди так сурово. Ты никому не говори... про пиво. Захаров упросил. А тут, сама понимаешь, возникнет лишний разговор. Ты ведь девчонка башковитая.

Любе надо было бы рассказать об этом сразу, а она не рассказала. Пожалела Кешку. А Захаров напился во время смены, видно, закурил и бросил горящую спичку. Вот буровая и сгорела. Потом, когда она всем рассказала, что Савушкин возил водку Захарову, то он обозвал ее предателем. Вот такие дела, брат. А суд будет завтра. После суда я тебе напишу. Отец.»

* * *

Рита стирала дома белье, потом гладила белье, потом читала книжки. От Глеба письма не было — видно, суд еще не состоялся. А может быть, погода была не летная, и поэтому не было писем.

На море второй день бушевал шторм. Купаться было нельзя, волны захлестывали пляж, они разбивались о камни и падали на набережную мелким дождем.

Павлик бегал под этим дождем.

— Нехорошо, — сказал старшина Нанба.

— Что — плохо? — удивился Павлик.

Опять этот Нанба придирается к нему.

— Это не замечание, — Нанба даже улыбнулся. — Дружеский совет. Нехорошо так долго бегать под этим дождем. Вода холодная, можно простудиться.

— Что вы, — ответил Павлик. — Вода теплая. У нас летом на Енисее вода в десять раз холоднее, и то я купаюсь.

— Значит, ты издалека, из Сибири?

— Из Сибири. У меня мать и отец геологи.

— Ай-ай-ай! — сказал Нанба. — Такая красивая женщина — и вдруг геолог.

— А что же тут особенного? — спросил Павлик.

— Ничего особенного. Многие считают, что красивые женщины не умеют работать, — сказал смущенный Нанба. — Отсталые люди.

— Воюет мантия, — сказал Павлик и кивнул на море.

— Что ты сказал? — переспросил Нанба.

— Мантия, — говорю, — воюет.

— А, — сказал Нанба. — Что это еще за мантия?

— На глубине пятнадцати километров в земле находится расплавленная масса. Её температура около двух тысяч градусов жары. И она иногда начинает бушевать. Ну, и тогда на морях начинаются штормы или ураганы, или вдруг вулканы извергаются. Когда я вырасту большой, мы с отцом, — Павлик на секунду замолчал, — и с матерью тоже будем заниматься глубоким бурением, чтобы открыть тайну мантии.

Павлик побежал домой, но Риты не застал. Она ушла в кино. Павлик сильно расстроился, что Рита ушла в кино и даже обиделся на нее. Не могла дожидаться его, что ли? Он решил сходить на почту.

* * *

На почте Павлик получил наконец письмо от отца. Письмо было очень длинное, и Павлик долго его читал.

«Суд над Савушкиным и Захаровым состоялся, и он принес много огорчений, — писал Глеб. — Захарова уволили с работы и исключили из экспедиции, а Савушкину сделали хорошее внушение. Ну, в общем, я сейчас тебе опишу все подробнее, чтобы ты сам во всем разобрался.

В тот день я встал рано утром, волновался перед судом. Кешку мне было жалко. Он последние дни убежал от меня и от Любы. Встал я и пошел в столовую. А там, в окне, где выдают вторые блюда, работает Кешкина мать —

Анна Семеновна Савушкина. Раньше она всегда встречала меня приветливо и старалась побольше положить еды. Даже неудобно было, столько она накладывала мне еды. Целую гору моей любимой жареной картошки.

Подошел, улыбнулся. Хотелось ее подбодрить и себя, точно все по-старому между нами.

— Здравствуйте, Анна Семеновна! — говорю.

А она делает вид, что меня не замечает. Смотрит мимо меня.

— Анна Семеновна, — говорю, — вы за что же на меня сердитесь? Ваш муж поступил нечестно, а вы сердитесь. Не ожидал я от вас этого.

Она молчит. Протянул я ей чек на завтрак. А она мне подает завтрак, но на тарелке вместо целой горы моей любимой жареной картошки — горсточка лапши. А ведь она знает, что я эту лапшу ненавижу. Обидно стало. Плевать мне было и на картошку, и на лапшу... Я от волнения и есть-то не хотел. Но обидно было, что Анна Семеновна оказалась такой глупой женщиной. «Неужели, — думаю, — не понимает, что Захарова и Савушкина за дело судят?»

Вернулся домой. Там меня уже ждала Люба.

— У меня Кешка был, — сказала Люба.

— Очень хорошо, — говорю. — Как он, почему не заходит?

— Он просил за отца. «Ты скажи на суде, что ты не видела, что у них было в бутылках, — сказал он. — Может быть, там на самом деле было пиво, а не водка. И тогда отца оправдают». «А как же справедливость? — спросила я его. — Сам говорил, что справедливость — это самое главное в жизни».

— Ну, а что Кешка? — спросил я.

— А Кешка сказал, что справедливость тут ни при чем. «За справедливость надо бороться, — говорит, — когда из-за одного человека страдает другой. Вот тогда надо бороться за справедливость. А тут никто не страдает».

— Нет, Люба, — сказал я. — Кешка не прав. Справедливость и в большом и в маленьком одинаковая. А мы сейчас боремся с тобой за самую большую справедливость, за справедливость, которая нужна не только тебе или мне, а всем-всем людям. Кешка это поймет, и Анна Семеновна поймет, и, может быть, даже Савушкин поймет.

Суд состоялся около конторы, прямо на улице. Собралось много народу. Они о чем-то разговаривали, ждали суда.

На конторском крыльце стоял стол, накрытый красной материей, а справа и слева от крыльца по одной скамейке.

В стороне от всех я увидел Захарова и Савушкина. Они стояли под деревом и молча курили. Видно, им не хотелось разговаривать друг с другом, но разойтись им тоже вроде было нельзя. Здесь, в общей толпе, было теплее, уютнее, но они не могли войти в эту общую толпу.

Наконец на конторском крыльце появились трое. Судья — главный механик Костин, заседатели — бригадир строителей Терешин и заведующий гаражом, бывший военный моряк Мальков.

Разговоры утихли. Костин откашлялся и тихо сказал:

— Начнем, пожалуй. — Он посмотрел в сторону Захарова и Савушкина и громко добавил: — Садитесь на эту скамейку! — Он еще раз откашлялся и уже повеселее добавил: — А сюда прошу товарищей свидетелей. — Костин показал на вторую скамейку. — Прошу, товарищи!

Я увидел, как прошла женщина, которая первая подняла тревогу в ту ночь. Потом прошел начальник пожарной охраны. Тогда я тоже пошел к этой свидетельской скамейке. Рядом со мной шла Люба. Она делала очень широкие шаги, чтобы идти в ногу со мной, и мне все казалось, что ноги у нее разведутся и она упадет.

— Люба Смирнова! — сказал кто-то из толпы. — Солидный человек!

В толпе засмеялись. Люба плюхнулась на скамейку рядом со мной.

— В общем, суд у нас будет короткий, — сказал Костин. — Как мы назовем поведение Захарова и Савушкина? Предательством нашему делу.

— Ишь, куда хватил! — крикнул Савушкин. — А ты знаешь, что я всю войну прошел?

— Тихо, тихо! — сказал Мальков. — Здесь этим никого не удивишь.

— Вот именно, — сказал Костин.

— Ты нам докажи, что они виноваты доподлинно. Захаров — ясно. Захарова пора проучить, а вот Савушкин? — крикнул Матюшин. Он стоял в первом ряду толпы. — Мы своего в обиду не дадим!

— Так здесь же свидетели, — ответил Костин. — Они все видели.

— А ты им учини опрос как полагается! — выкрикнули из толпы.

Костин откашлялся и повел опрос свидетелей.

Сначала он задавал вопросы женщине, и та рассказывала, как она увидела, что буровая горит, и побежала звонить в колокол.

После нее выступил начальник охраны. Он сказал, что Захаров нарушил правила противопожарной охраны. Во-первых, он курил на буровой, во-вторых, он спал на буровой, точно находился у себя в спальне, и в-третьих, и это самое ужасное — он был пьян.

— Ты что, видел, как я пил? — огрызнулся Захаров.

— Может, ты водку и не пил, но, как говорил наш великий писатель Антон Павлович Чехов: «Водку он не пил, но сильно пах ею».

Все засмеялись, а Костин сказал:

— Вот именно!

Потом я рассказал о том, как Захаров работал, когда не пил — хорошо, когда напивался — плохо.

А потом вызвали Любу. И она рассказала, что встретила Савушкина и у него в карма-

нах была водка, а Захаров все торопил его и говорил: «Нас ждут нетерпеливые стаканы». Все снова смеялись, и Захаров тоже засмеялся.

— А ты-то чего смеешься? — спросил Костин. — Вот выгоним тебя из экспедиции, тогда посмеешься.

— Не имеете права, — сказал Захаров. — Кто вы такие? Милиция? Нет. Советская власть? Нет. Какая-то девчонка наговорила, а они поверили. Уши развесили.

Савушкин вдруг взметнулся.

— Правильно говорит Захаров! Не имеете права! Девчонке поверили, а может быть, эта девчонка все заливаает. По глупости врет. Ребята, а? Девчонке верите, а мне нет! Не возил я водку. Пиво — да. Пиво возил, а водку ни-ни!

— Такая маленькая, а уже ловка на людей наговаривать! — крикнул Матюшин. — Дайте ей по макушке и отправьте домой, пока не заплакала.

— Правильно. Пускай не лезет не в свое дело! — поддержал кто-то Матюшина из толпы.

— Тихо, тихо! — снова сказал Мальков. — Размахались. Я вот был на фронте, так нас один паренек вывел из окружения, в лесу мы заблудились. Я его до сих пор помню. Всю дорогу у нас ни крошки хлеба не брал, боялся, что мы голодные. А здесь Люба тоже за правду борется, а вы ее за это хотите по макушке ударить.

— Вот именно, — сказал Костин.

Стало тихо, совсем тихо, и в этой тишине Костин сказал:

— Эх, Савушкин, Савушкин! На девочку руку поднял, на подружку своего сына. Решил выкрутиться. Чистоты в тебе нет, смелости нет. А тебе, Захаров, я отвечу: да, милиции у нас нет. Но она нам и не нужна — мы с тобой без милиции справимся. А вот насчет власти ты ошибаешься. Мы тут есть самая высшая власть — народная власть! А теперь, Савушкин, говори всю правду. Не признаешься — хуже будет!

— Говори, говори! — закричали все. — Нечего хвостом вертеть! Говори!..

— Была водка... — сказал Савушкин. — Точно, возил.

А после суд вынес решение: Захарова за пьянство с работы уволить и из экспедиции исключить, а Савушкина оставить с испытательным сроком.

К Любе подошел второй заседатель Терешин и крепко пожал ей руку, потом подошел Мальков и тоже пожал ей руку. А потом к ней стали подходить все рабочие подряд. Они жали ей руку и хвалили за правильное пове-

дение. Хлопали по плечу, улыбались ей. Только я боялся, что они просто оторвут у нее руку.

А я, брат, на этом суде понял, что правильное всегда победит. Жду тебя и Риту.

Да, совсем забыл. На Иркутской ГЭС перекрыли плотину, чтобы повысить уровень воды в Иркутском море. А у нас на Ангаре вода сразу сильно упала, и я увидел на дне реки гребни руды. Это, вероятно, выход рудного пласта на поверхность».

Павлик вернулся домой, положил письмо отца на самое видное место и ушел.

* * *

Рита пришла из кино и сразу стала читать письмо Глеба. И вдруг она прочла целую строчку про себя, ту самую строчку, которую она так долго ждала. Но и не это было самое главное. Самое главное было в другом: «На Иркутской ГЭС перекрыли плотину, чтобы повысить уровень воды в Иркутском море. А у нас на Ангаре вода сразу сильно упала, и я увидел на дне реки гребни руды. Это, вероятно, выход рудного пласта на поверхность».

«Глупый Глеб, глупый Глеб! — подумала Рита. — Он не догадался, что основные залежи руды на дне Ангары. Поэтому он и не мог так долго их найти».

Рита выскочила во двор.

— Гамарджоба! — закричала она. — Куда убежал Павлик?

— Не знаю, — ответил старик. — А что случилось?

— Ничего не случилось, — ответила Рита. — Ничего не случилось, просто мы сегодня улетаем домой. Через полчаса надо уехать, чтобы успеть на вечерний самолет.

Старый Гамарджоба ничего не стал спрашивать: раз ничего не случилось — значит, не случилось. Хотя он-то понимал, что случилось что-то очень важное и хорошее. Он тут же побежал ловить для Риты и Павлика такси.

Когда он вернулся на такси, Рита и Павлик уже поджидали его на улице. Их чемоданы стояли рядом.

— Даже не посидели перед дорогой, — сказал старик. — Современная спешка. — Он поцеловал Риту, поцеловал Павлика, и те уехали.

— Пожалуйста, побыстрее, — сказала Рита шоферу. — Мы опаздываем на самолет.

— Есть побыстрее! — ответил шофер и дал полный газ.

Но тут раздался пронзительный милицкий свисток, машина резко остановилась, и перед ними появился возмущенный старшина Нанба.

— Товарищ водитель, — сказал Нанба, — почему превышаете скорость?

— Дорогой Ваню, — сказал шофер, — люди опаздывают на самолет.

— Я тебе не Ваню, а старшина милиции. — Нанба заглянул в машину и увидел там Риту и Павлика.

Рита не стала смотреть на Нанбу, а Павлик ему улыбнулся, как знакомому.

— Мы опаздываем на самолет, — сказал Павлик, — мы улетаем к папе!

— Как лицо официальное, я не принимаю этого во внимание, оправданий у шофера нет. — Нанба снял фуражку. — Но как человек, я все отлично понимаю. Езжайте, пусть будет, что я ничего не видел. Счастливый путь!

Когда они немного отъехали, шофер сказал:

— Зверь на службе, но сердце имеет доброе. Я с ним на фронте был. Интересно. Воевал, воевал, ни одного абхазца не встретил. И вдруг узнал, что в соседнем батальоне тоже абхазец воюет. Год не говорил по-абхазски. Говорю комбату: «Разреши поговорить с земляком». Разрешил, только, говорит, на военные темы ни-ни — фашисты подслушивают. Подозвали мне абхазца к телефону, и это оказался Ваню Нанба. Интересно. Мы оба от радости чуть не заплакали. Никак не можем поговориться. Ну, и, конечно, про наступление поговорили. А фашисты, говорят, наш разговор на пленку записали, Гитлеру отправили, чтобы там открыли тайну нового шифра советских. Интересно. Никто ничего не понял. Абхазский язык очень трудный.

Дорога шла вдоль моря, и Рита снова увидела белый пароход.

— Смотри, Павлик, белый пароход! — сказала Рита. — Так мы и не покатались на нем.

Но Павлику уже было не до парохода. Теперь ему больше всего хотелось сесть в самолет и лететь к отцу.

* * *

Это был не такой простой полет. Они летели сначала на «ИЛ-18» до Москвы, потом на «ТУ-104» до Красноярска, а потом на вертолете до экспедиции. Они летели над морями, равнинами, лесами, горами, а небо все время было светлое, и на крыльях самолета отражалось солнце. Они летели, обгоняя время, и прилетели в экспедицию как раз к началу рабочего дня.

Они вылезли из вертолета, и у них от долгого полета закружилась голова, и они не сразу рассмотрели в толпе встречающих Глеба. А он узнал их, но никак не мог поверить, что эти загорелые люди, спустившиеся откуда-то с неба, и есть его дорогие, долгожданные жена и сын.

— Ты знаешь, Глеб... — сказала Рита.

Она хотела сказать о том, что руда находится на дне Ангары, но тут она посмотрела на Глеба и поняла, что он все знает.

Она поняла даже больше, поняла, что Глеб об этом знал уже тогда, когда писал им последнее письмо. Просто он хотел, чтобы она догадалась об этом сама, чтобы ей потом не было больно и обидно всю жизнь, что она осталась в стороне.

Они вышли к берегу Ангары. А на противоположном берегу, на том далеком берегу, уже стояла маленькая, рубленая из дерева буровая. Треск ее дизелей был так незначителен, что Рита и Павлик его не слышали. Но для Глеба он звучал, как гимн, как самая нежная, милая его сердцу музыка.

И тут они увидели новенький белый катер. Он шел по направлению к буровой.

— Откуда у вас такой катер? — спросил Павлик.

— Нам дали его для установок буровых по Ангаре, — ответил Глеб.

— Ну вот, — сказала Рита. — Теперь у нас наконец есть свой белый пароход.

А далеко в Гагре на скамейке у дома сидел старый Гамарджоба. Он держал в руках капроновую нитку и нанизывал на нее раскрашенные миндальные косточки.

«Жалко, что не успел подарить бусы Рите», — подумал старик.

Мимо прошел старшина Нанба. Он приложил руку к козырьку фуражки и почтительно сказал:

— Добрый вечер, отец!

— Добрый вечер, начальник. Присядь отдохни.

Нанба сел.

— Скажи мне, пожалуйста, почему ты сегодня задержал машину с моими гостями? — спросил старик. — Я видел издали.

— А, — сказал Нанба. — Очень быстро ехали. Жизнью человека рискует. В мирное время. Завтра поймаю этого шофера, обязательно отберу у него права.

Когда Нанба ушел, старик подумал о том, что все же у людей стало больше нежности. Гораздо больше.

В гостях у вулкана

Евгений Рейн

Фото Г. Штейнберга

Очертаниями она похожа на ракету. Обтекаемая, стремительной формы, она нацелена далеко в Тихий океан. Суровая, таинственная, первой в нашей стране она встречает солнце.

Она — Камчатка.

Камчатка — молодая земля. И горы Камчатки гораздо моложе, чем Урал или Памир. И процесс горообразования на Камчатке не закончен.

Камчатские вулканы постоянно напоминают об этом.

Близ главного города Камчатки Петропавловска находится Авачинская сопка, короче — Авача. Авача — действующий вулкан.

Недавно, в 1938 и 1945 годах, Авача взрывалась. Облако раскаленных паров и камней взлетало над сопкой, потоки лавы неслись по склонам. Подземные толчки потрясли окрестность.

Городу везло. Авача стреляла в другую сторону. Но за ней надо зорко следить. Вулкан живет, вулкан дышит, вулкан опасен. А ведь его энергию можно обратить и на пользу человеку. Она может двигать лопасти турбин электростанций, может отапливать города.

Следит за вулканами, изучает их, ищет способы их «приручить» Камчатская геологогеофизическая обсерватория.

В августе прошлого года отряд вулканологов, молодых ученых обсерватории, совершил восхождение на Авачинскую сопку, а начальник отряда — Генрих Штейнберг — спустился в кратер вулкана.

Вулканолог Генрих Штейнберг

На вершине Авачи, у кратера, — тишина. Слышно только похрустывание шлака под альпинистскими ботинками да шипение газовых струй — фумарол. Группа Штейнберга обошла кратер и стала спускаться по гребню. Камни здесь покрыты желтым и фиолетовым налетом — это следы расплавленной серы. Сера напоминает о себе повсюду. Резкий ее запах доносится до вулканологов и тогда, когда они сходят вниз, в ложбину. У самого кратера, на северном склоне Авачи, собрались все три группы отряда, шедшие из базового лагеря разными путями.

Вулканологи снимают рюкзаки и штормовки, ложатся на коричневые, рыхлые камни. А камни теплые, и где-то рядом равномерно шумят фумаролы: закрой глаза — и может показаться, что ты на пляже у Черного моря. Только назойливый запах серы не дает о себе забыть.

Разбит лагерь, распаковано

оборудование. Все приборы прячутся в полиэтиленовые мешки: от действия вулканических газов металл за несколько минут покроется сплошной ржавчиной.

Повар Слава Казаков приступает к своим обязанностям. Как разжечь костер? Последние кусты кедрача растут на полтора километра ниже. Положение критическое. Впрочем, вулкан выручает. Слава просто выкопал яму в полметра глубиной, из ямы валит пар, температура в ней почти сто градусов.

Вот тебе и плита — вари что хочешь, дров не надо. Теперь можно бы и обед готовить, но где взять воду? Возле кратера, да и в ложбине воды нет. Тогда несколько человек надевают рюкзаки и спускаются к леднику. Через час в расположение лагеря доставлено тридцать килограммов первосортного льда. Блестящие, прозрачные глыбы растают — и воды будет вдоволь.

Обед готов. Ребята скребут ложками по котелкам. Кто-то протягивает Генриху горящую сигарету, говорит:

— Скоро прямо у Авачи прикуришь, гляди, как раздымилась.

Все поднимают головы. Со всем рядом, над кратером, висит большое облако, похожее на зайца.

Через несколько минут половина отряда уходит вниз, в основную лагерь.

На кратере остается восемь человек.

Вулкан к вечеру почти затихает. Небо темнеет, становится фиолетовым у горизонта, но над головой оно еще светится ровным желтоватым блеском.

Краски ночи удивительно хороши, они совсем не похожи на те, к которым привыкли вулканологи. Ведь многие из них москвичи и ленинградцы.

Вулканологи сидят между палаток, что-то вспоминая, о чем-то рассказывая. Пьют чай,

Как лучше пройти к вершине?

тихонько побрякивая кружками о чайник.

— Смотрите, что это за огни дугой вытянулись? — спрашивает Слава.

— Не узнал? — объясняют ему. — Это Петропавловск. А

дуга — бухта. Город ведь так вдоль бухты и расположен.

— Эх, сколько бы Авача пользы принести могла, — думает вслух Генрих, — вот Рейкьявик, столица Исландии, отапливается горячей водой.

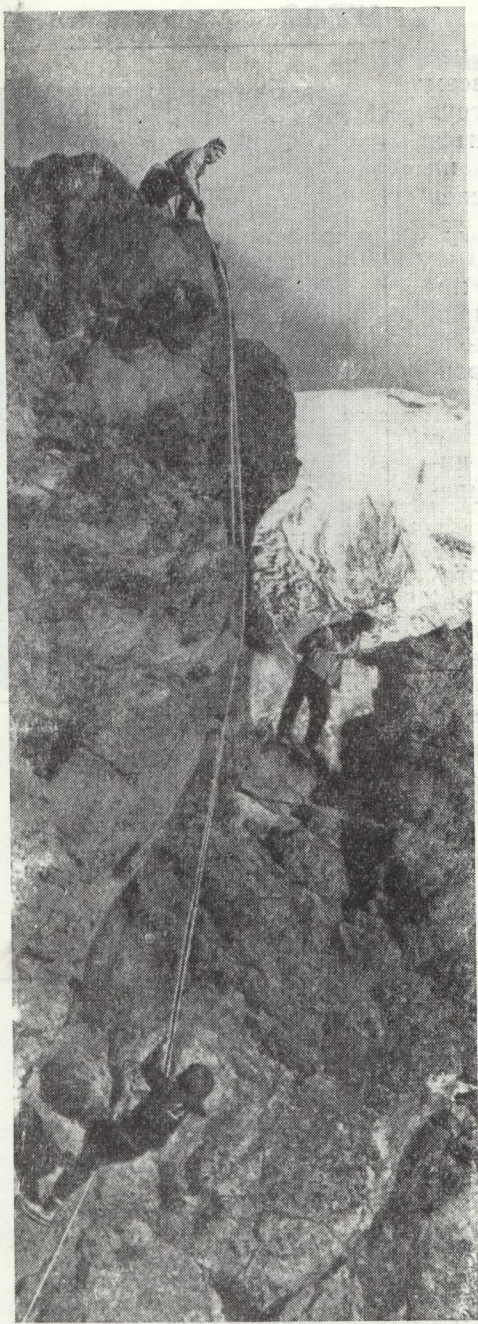
А вода вулканического происхождения...

Однако завтра рано подниматься. Пора спать.

В час ночи Генрих проснулся. В палатке невыносимо жарко. Генрих включил фонарик.

Эдуард Рындин и пес Вулкан залюбовались волнами облачного прибоя

Тренировочный спуск

Клубы пара наполнили палатку так густо, что даже спальный мешок соседа почти не виден.

Что произошло? Может быть, это сон? Просто приснилась баня? Но жара увеличивалась с каждой секундой. Генрих выскочил из мешка, вылез из па-

латки, за ним — остальные.

Площадка, на которой разбили лагерь, дала трещину и из щели валил пар.

Вулканологи стояли в полном недоумении: что делать?

«Попробуем заткнуть», — предложил кто-то. Рассмеялись. А через десять минут щель заткнули ватниками и спальными мешками.

Конечно, утром пришлось перенести палатки.

Следующие два дня ушли на подготовку к спуску и альпинистские тренировки. Утром 18 августа все было готово.

Генрих обвязывается капроновой веревкой, страхующие закрепляют концы, Генрих делает первый шаг вниз. И вдруг, когда он нагнулся к трещине, чтобы взять пробу газа, сорвавшийся сверху камешек сбил с него защитную каску. Без каски спускаться нельзя. Генрих вылез на край, злыми глазами поглядел в кратер и пошел к лагерю. Обидно отложить спуск из-за такой ерунды!

На другой день снизу принесли запасную каску, но, как назло, за это время вулкан раздымился всюю.

Может быть, он разгадал планы вулканологов и решил скрыть кратер за дымовой завесой?

Дна кратера уже совсем нельзя было различить за сломом газа; все-таки решили провести спуск.

Кратер Авачи — это огромная воронка диаметром в че-

тыреста, а глубиной в двести метров. Стенки ее круто, почти отвесно опускаются вниз. Первая площадка, на которой сможет отдохнуть Генрих, находится на глубине восьмидесяти метров.

Снова капроновая веревка, каска, противогаз, рюкзак. Снова страхующие занимают свои места. Спуск начался.

Вулкан дымит все больше и больше. Временами видимости нет совсем никакой. В такие минуты надо быть особенно внимательным. По стенам кратера часто идут обвалы, увидеть каменную лавину невозможно, можно только услышать ее.

А в противогазе надо до предела напрягать слух, чтобы разобраться в звуках кратера.

Метр за метром ощупывает стенки кратера Генрих, ищет точки опоры, разглядывает строение пород.

За прочность веревки, за мастерство страхующих он не беспокоится. Сейчас главное — не сплеховать ему. Опаленные вулканической жарой и отшлифованные потоками лавы, стены кратера представляют собой почти идеальную плоскость. Шипы альпинистских ботинок скользят, руки срываются. Редко-редко Генриху удается найти краешек выступающей породы. От одного такого выступа к другому медленно и осторожно спускается он.

За спиной, в тяжелом рюкзаке, — приборы: Генрих должен сделать геофизическую съемку кратера, взять пробы газов, замерить температуру. Там, на дне воронки, его ждут ценные научные сведения и, кто знает, может быть, даже месторождение вулканической серы.

После отдыха на площадке спуск становится немного легче. Отвесная стенка переходит в рыхлую, крутую осыпь. И вот Генрих достигает дна.

Оно завалено огромными глыбами, из бесчисленного множества шелей со свистом вырываются газовые струи. Генрих проводит ладонью по камню и резко отдергивает руку — камень горячий. Приходится надеть перчатки. Иногда ничего не видно даже на расстоянии протянутой руки — и вдруг метра на три-четыре проясняется, и тогда бросаются в глаза ярко-желтые, коричневые и красные пятна. Это цвета кратера — их создали сера и железо, лава и раскаленные пары, которые выбрасывались из недр вулкана. В кратере стоит шестидесятиградусная жара, множество самых удивительных свистящих и режущих звуков доносится через противогаз. Это голоса газовых струй, стремительно выбивающихся наверх.

В один из просветов Генрих замечает в центре кратера ровную песчаную площадку и выходит на нее. На площадке чернеет большое отверстие, почти правильной квадратной формы. Из него с воем бьет газовая струя.

Генрих скинул рюкзак, достал из него прибор аспиратор и принялся набирать газовую пробу. Это продолжалось двадцать минут. Когда он поднял рюкзак, то оказалось, что тот насквозь прогорел. Какая удача, что захвачен второй, для геологических образцов.

Генрих идет от трещины к трещине и замеряет температуры — они колеблются от 150 до 200 градусов.

Вдруг где-то рядом Генрих услышал сильное гудение. Он долго топчется на площадке. Где щель? Вокруг почти ничего не видно. Наконец по звуку

он отыскивает трещину, из нее вырывается прозрачная, совсем не похожая на другие, струя газа. К трещине подносится термометр, рассчитанный на температуру до 350°. Не успел Генрих ввести его в струю газа, как термометр лопнул.

Та же участь постигает пятисотградусный. И тут Генрих замечает, что породы около щели светятся каким-то ровным вишневым цветом.

Да, это не окраска, это порода раскалена. Судя по интенсивности свечения, температура тут градусов 700.

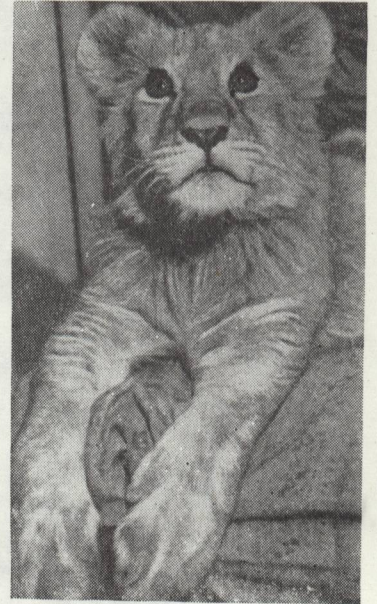
Дышать становится все труднее и труднее. Видимо, противогаз начал пропускать. Генрих смотрит на часы. Четыре. «Сколько же я был в кратере?» — считает он. Оказывается, два с половиной часа.

Генрих возвращается к осыпи, подает сигнал «подъем». Поднявшись на ту самую площадку, на которой он отдыхал по пути в кратер, он снимает противогаз. Жадно и глубоко дышит нечистым, смешанным с парами серы воздухом.

Последнее, что сделал Генрих Штейнберг в кратере, — положил на открытое место медную трубку. В трубку вложена записка:

«С 13 по 20 августа 1961 года — вел работы на кратере вулканологический отряд в составе: А. Чирков, А. Горшков, Н. Zubин, С. Балеста, Г. Штейнберг — Ленинград; М. Федоров — Москва; И. Марков, С. Казаков, Г. Болобко — Петропавловск-Камчатский».

Это еще один советский вымпел в области неизведанного.

Ежегодно в зоопарках нашей страны рождается больше ста львят. Иногда приходится отбирать их у львицы и воспитывать в домашних условиях.

Этого львенка юные натуралисты назвали Рэмом. Рэм родился в Ленинградском зоопарке.

ИЗ СОЛОМЫ И ТРОСТНИКА

С каждым годом Советский Союз расходует все больше и больше бумаги и картона. А до недавнего времени изготовляли четыре пятых всей бумаги из древесины.

Переработка дерева в бумагу занимает всего три часа. А вот вырубленный лес восстановится только за 50-100 лет.

Как же избежать гибели наших лесов?

И ученые предлагают использовать солому, тростник, камыш и рогоз. Из них можно добывать бумагу.

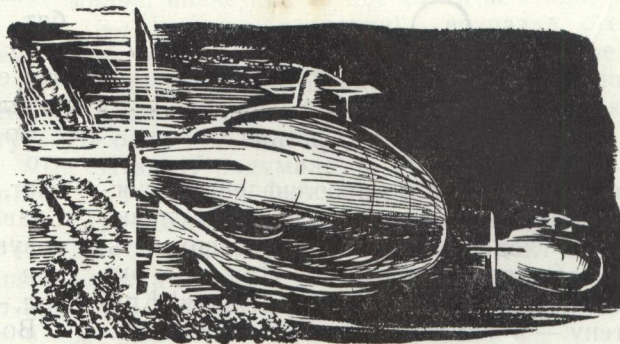
Ежегодный урожай камыша может дать 10 миллионов тонн разной бумаги.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОДО ЛЬДАМИ

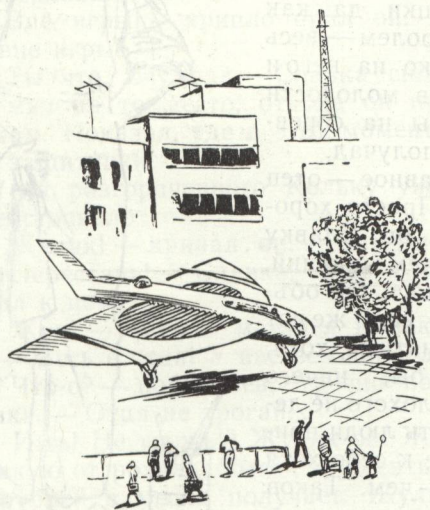
По Северному Морскому пути даже летом трудно плавать. Мешают льды. Но пускай стоит суровая зима. Порт живет будничной трудовой жизнью.

У причалов грузятся суда. Особенности суда: им не страшны льды. Они пройдут подо льдами! Здесь судну не мешают волны, не страшны бури. На Северном Морском пути такое судно может работать круглый год.

Подводный корабль поведут из порта в порт автоматы по заданной на берегу программе.

АЭРОДРОМ НА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ

Реактивному конвертоплану не нужна взлетная дорожка, он поднимается в воздух без разбега, подобно вертолету, и затем летит, как самолет.

Вот он стоит на земле, нацелив в небо, словно стволы зенитных пушек, сигары реактивных двигателей. Пассажиры занимают места... Заработали двигатели. Струя огня, вылетающая из сопел, бьет прямо в бетонированную поверхность посадочной площадки. Машина подпрыгивает над землей, а затем медленно поднимается вверх, строго перпендикулярно земле. Она поднялась уже выше крыш са-

мых больших зданий и крылья ее начинают поворачиваться. Медленно и плавно они занимают положение, обычное для самолетных крыльев — вдоль фюзеляжа. Вместе с крыльями поворачиваются и двигатели. Теперь они тянут конвертоплан не вверх, а вперед. Быстро набирая скорость, машина, ставшая реактивным самолетом, уходит из нашего поля зрения.

Сесть она сможет на любом бетонированном «пятачке». Крылья и двигатели снова встанут перпендикулярно земле, и конвертоплан отвесно, как вертолет, опустится.

Р. Федоров, Б. Юрков

Есть дерево, которое называют томатным, или цефомандрой. Его разводят не ради плодов — продолговатые и невкусные, они не идут в пищу. С цветов томатного дерева собирают пыльцу для... повышения урожайности настоящих помидорных кустов. Используют ее и для выведения новых сортов томатов.

Цефомандра может расти в школьном живом уголке, она неприхотлива.

Своя Дача

Борис Раевский

Рисунки Н. Петровой

Кисть легко ходила по проолифленным доскам. Жирные мазки ложились плотно, словно втирались в гладко выструганную поверхность.

Славке по душе эта работа. Даже на рыбалку не пошел, а ребята уж как звали! Красишь стену — и вся комната неузнаваемо преобразуется. Еще вчера стены были в сучках, глазках, с бурыми подтеками смолы, одна доска — светлая, другая — темная, та — гладкая, эта — шероховатая. А теперь вся стена ровная, бледно-зеленая (отец говорит — салатная) и нарядная.

И пахнет краска вкусно.

Кладет Славка мазок к мазку, а сам думает: «Вот здесь, у окна, стол поставлю, тут — кровать, на стену — полочку для книг. А в углу стойку смастерю для удочек».

До сих пор Славка только мечтать мог о своей комнате, а тут, как стали строить дачу, отец пообещал: одна комната — Славке. И сдержал слово: отдал эту вот, угловую, в мансарде.

Маленькая комната — но зачем Славке большая? А что во втором этаже, так это даже лучше: откроешь окно — сосны так и влезают пахучими смолистыми лапами в комнату. И видно из окна, с холма, где стоит дача, далеко-далеко, почти весь поселок и даже вокзал. Железнодорожная насыпь высокая, вокруг молодой ельник так густо разросся, сплошь скрывает ее. И когда мчится электричка, кажется, вагоны несутся прямо по верхушкам елок.

Славка и краску для комнаты сам выбирал: отец предложил три цвета, на выбор. Славка долго колебался и в конце концов вот этот взял — салатный. И правильно: очень красиво получается.

К полудню Славка сделал передышку. Все таки с непривычки трудно красить: плечо быстро устает, и на среднем пальце, там, где ручку кисти прижимаешь, — даже багровый желобок, больно дотронуться.

Славка скинул старую лыжную куртку, залатанные отцовские брюки, все в пятнах краски. Вытер руки ветошью, потом промыл их керосином, потом еще водой с мылом. Въедливая краска — сразу не отдерешь.

Внизу на участке двое рабочих конопатили сруб, стамесками забивали в щели между

бревнами паклю. Отец стоял возле них, что-то советовал.

Разные бывают отцы на свете: одних любят, других — только терпят, на третьих — стараются даже не глядеть. Славка считал, что ему в жизни очень повезло: отец — замечательный.

Во-первых, отец — широкая натура. Не то что мать. Та жметя, каждую копейку считает, а отец — стóит Славке попросить на новую леску, альбом для марок или футбол, — всегда даст.

Во-вторых, отец класный пловец. Даже сейчас, когда ему уже под сорок, — как прыгнет с вышки да как пойдет кролем — весь пляж только на него и глядит. А в молодости даже призы на соревнованиях получал.

Но главное — отец хороший. Просто хороший. Если бы Славку спросили, чем хороший, он затруднился бы объяснить. Но есть же вот люди неприятные, хотя, казалось бы, ничего особенно плохого не делают. И есть люди привлекающие к себе хотя и неясно — чем. Таков и отец.

— Ну, маляр, кончил? — спросил он Славку.

Славка объяснил: осталось совсем немного.

— Молодец! — отец притянул его к себе, обнял за плечи.

Отец очень сильный: однажды на спор сжал руку приятелю, так тот прямо взвыл.

Вместе они поднялись в Славкину комнату, отец придирчиво осмотрел работу.

— Ничего. Годится. — Помешал щепкой краску в банке и посоветовал: — Густовато. Олифы долей.

Славка кивнул. Глянул в окно: вдали, возле реки, где еще в начале лета были врыты футбольные ворота, ребята гоняли мяч.

— Я пойду, пап? — сказал Славка. — К обеду вернуться...

На пустыре Славку встретили радостным гулом.

— Становись! Бьют нас, — размазывая по лицу грязные полосы, шепнул ему Петька.

Сражались «поселковые» с «зареченскими». Счет 4:2.

Славка быстро скинул рубаху, брюки и вскоре уже стал «центром» команды «поселковых».

Он хорошо бегал, и это делало его очень опасным на поле. Получит мяч, рывок — и тут уж за Славкой никто не угонится.

Играли долго. Сделали перерыв, искупались и снова продолжали матч.

Постепенно «поселковые» сравнивали счет. И тут в решающий момент Славка забил еще один гол. Красивый! Получил мяч на краю и с хода издали сильным ударом «воткнул» в «девятку» — верхний угол ворот.

«Зареченские» обозлились. Особенно Колька-низенький.

— Вне игры! — хрипло орал он. — Славка был вне игры!

— Ты что, очумел? — Славка снова положил мяч на то место, откуда он пробил по воротам. Показал, где в этот момент находились защитники.

Но на разгоряченного Кольку уже ничего не действовало.

— Жулик! — кричал он. — Зажучил!

— Перестань! — Славка, сжав кулаки, подступил к нему.

— Жук! — яростно метался Колька-низенький. — Весь в отца! У вас вся порода — жуки.

— Что-о? — побледнев, грозно надвинулся Славка. — Отца не трогай...

— Ишь! Не трожь!? Жулик он! Жулик! Дачу какую отгрохал!.. Тысяч за десять. А сам — сто рублей в месяц получает. Жулик. Факт.

Бац! Славкин кулак въехал Кольке в нос. Колька упал.

Вскочил, размазывая по лицу кровь, кинулся на Славку, но тот был выше и сильнее. Отпихнул Кольку:

— А еще на отца клепать будешь — не так огребешь!

Больше играть уже никому не хотелось.

Славка шел домой и думал:

«Завидуют. Этот Колька, факт, завидует. У него-то нет дачи».

Но все-таки настроение было испорчено.

Дома Славка пообедал; надо бы снова взяться за кисть, но что-то не хотелось.

«Ладно, завтра, — подумал Славка. — Успеется».

На террасе отец вел переговоры с плотниками.

— Это, милоч, работа нешутейная, — нетопливо говорил огромный степенный дядька, почему-то, несмотря на жару, обутый в вален-

ки с галошами. — Сам посуди: сруб-то немалый, семь на восемь. И опять же две террасы, два крыльца, и верх — все зашить надо. Нет, милоч, иначе как за две сотни не сладимся.

— Ну уж, две сотни! — возразил отец. — Работы вам двоим на три, ну, на четыре дня. По десятке в день на брата. А ты заломил.

«Две сотни! — покачал головой Славка. — За одну только обшивку. Ничего себе!»

И вдруг подумал:

«А в самом деле: откуда у отца столько денег? Ведь зарплата — сто шесть в месяц. А мама говорила, что мы съедаем эти сто шесть. Сполна съедаем. А на дачу — откуда?»

От этой мысли противно засосало под ложечкой.

Но Славка сразу отбросил сомнения.

«Отец — жулик? Мой отец! Такой замечательный, такой умный, веселый, хороший!.. Нет, нет, чушь, дикая чушь!»

Славка даже засмеялся. Как мог он хоть на секунду предположить такое! Отец — жулик!..

Поднялся наверх, в свою комнату, снова стал красить. Водил кистью и в такт мазкам громко распевал:

— «Закаляйся,

Если хочешь быть здоров,

Постарайся

Позабыть про докторов...»

Он всегда пел эту задорную песенку, когда был весел.

Так он красил часа полтора, потом вдруг подумал: «А все же... Откуда деньги?»

Со злостью пихнул кисть в банку, так что брызги разлетелись по сторонам.

— Славик, кушать! — крикнула снизу мать.

Он не ответил. Долго молча сидел в своей комнате. Уже темнело. Но он не зажигал света.

— Славик, кушать!

Он спустился вниз, помылся, сел к столу. Ужиная, отец весело рассказывал про плотников. Вот ведь народ, с ними держи ухо востро: всегда запросят втрое. Но не на простодилье напали. В конце концов согласились обшить за восемьдесят рублей. Это вместо двух сотен.

— Теперь вот только «вагонку» достать — и порядок, — радостно потер руки отец.

Славка ел простоквашу, не поднимая глаз от стакана.

— Да, между прочим, я нынче забавную штуку слышал, — сказал отец. — Новый способ охоты на волков. Ловят волка, но не убивают. На шею ему прикрепляют маленький радиопередатчик-автомат и отпускают. Волк бежит обратно в лес, в свою стаю. А охотники все время следят за ним по сигналам его

рации. Находят стаю, окружают и истребляют. Всех волков, кроме одного. А этого, с рацией на шее, опять пускают в лес. И так находят новую стаю...

— Хитро! — улыбается мама.

Бабушка восхищенно качает головой: придумают же!

Только Славка молчит. Он отодвигает стул с остатками простокваши и вдруг говорит:

— Пап, а откуда у нас деньги на дачу?

Становится тихо.

Отец поднимает брови. Кладет ложку, но почему-то не на клеенку, а в хлебницу.

— Странный вопрос, — говорит он и растерянно переводит взгляд с жены на тещу и опять на жену. Только на сына он не смотрит.

— Что ж тут странного? — хмуро говорит Славка. — Ведь дача тысячи стоит. Откуда они у нас?

И глядит прямо в глаза отцу.

— Да чего ты пристал? Тоже мне следователь! — вскрикивает отец. Но тут же берет себя в руки и даже улыбается. — Подрастешь — узнаешь. Пока еще тебе этого не понять... Жизнь, старик, штука хитрая.

Отец смеется, хлопает сына по плечу.

Славка молчит. Молчит и хмуро катает по скатерти хлебный шарик.

Потом Славка уходит к ребятам.

Возвращается он поздно. Поселок уже спит. Их дача тоже погружена в темноту. Во мраке она похожа на какой-то большой таинственный корабль, бесшумно плывущий вдаль.

Бабушка всегда оставляет незапертым окно в кухне, для Славки. Тихонько, чтобы не разбудить никого, открывает Славка одну створку, потом другую. Хочет уже лезть, но вдруг слышит голоса. Приглушенные ночные голоса. Но в тишине каждое слово слышно отчетливо...

— Нельзя травмировать ребенка, — говорит мать. — Что это за глупый ответ: подрастешь — узнаешь. Он уже большой...

— Растерялся я, — тихо гудит отец. — Так неожиданно... Да и как ему объяснить?

— Скажи, что мы выиграли по облигации. Много лет назад. Крупный выигрыш — по старым деньгам сто тысяч...

Славка долго стоит возле окна. Голоса стихают. А он все стоит. Потом влезает в окно и на цыпочках проходит наверх...

Утром Славка ни о чем не спрашивает отца. В Славкиной комнате три стены окрашены, а четвертая — так и стоит в сучках, царапинах, белых заплатах шпаклевки. Докрасить ее — пустяковое дело, но у Славки руки не поднимаются.

Поздно вечером ко двору подъехал грузовик. Было уже совсем темно. Машина взрезала тьму фарами, медленно, словно нащупывая дорогу, проехала по мосткам в сад. Была она нагружена «вагонкой».

— Гаси фары! — злым шепотомскомандовал отец.

Фары погасли, и вокруг стало еще темней.

— Быстрее, быстрее разгружать! — торопил отец.

Вместе с шофером он снимал доски и укладывал ровным штабелем. Помогали и мать и даже бабушка.

Разгружать машину в темноте было неловко, но лампы не зажигали.

— Славик! — крикнул отец.

Славка промолчал, сидя у себя, наверху. Пусть считают, что его нет дома.

«Почему машина пришла так поздно? — думал он. — Ведь магазины и склады давно закрыты. Где же шофер купил «вагонку»? И почему сам шофер покупал? А не отец? И грузят, как воры, в темноте.»

Машина уехала тайком, как и приехала.

Славка по-прежнему сидел у себя, наверху. Какая-то тяжесть грузно навалилась на него, сдавила сердце, сжала голову. Никогда еще за свою короткую жизнь не чувствовал он себя таким одиноким, таким несчастным.

Внизу гулко хлопали двери, раздавались шаги, звякала посуда, слышался веселый голос отца. Он радостно объяснял матери, как удачно все получилось: «вагонка» на складе стоит пятьдесят пять рублей кубометр, а этот пройдоха-шофер целых три метра продал за семьдесят...

Славка сидел в темноте и чувствовал: еще немного, и он разревется.

И голос отца, громкий, веселый, который всегда так нравился Славке, теперь казался ему просто самоуверенным, хвастливым. И радость отца оттого, что он дешево купил эти,

вероятно, ворованные доски, была недостойной, унижающей.

И вообще — все было паршиво, гадко, мерзко...

Славка чувствовал, что отныне никогда уже не подойдет он к отцу, не потрется головой о его щетинистые щеки, не посоветуется с ним насчет похода по Военно-Сухумской дороге, не поболует вместе за «Зенит»...

И от горя, первого настоящего большого горя, Славка скрючился возле окна и, кусая губы, тихо заплакал.

О чем гудят провода

В. Фетисов

Провода...
Провода...
Вы откуда?
Вы куда?
Не страшась трясин болотных,
На больших стальных ногах,
Вы шагаете в бетонных
Многотонных сапогах.
Вот —
Стрелой на скалы взмыли.
В землю вгрызлись,
Как кроты.
Вот —
В долины устремились
Водопадом с высоты.
Расскажите,
Провода,
Вы откуда?
Вы куда?
Загудели
Провода, —
В села мы
И в города!
Напряженные, как жилы,
Мы ввели под каждый кров
Электрическую силу,
Электрическую кровь.
Нас питают
Атом,

Уголь,
Солнце,
Ветер,
Торф,
Вода.
Где излишки —
Мы оттуда.
Где нехватка —
Мы туда.
День и ночь
Зимой и летом
Мы шагаем
Вдоль земли,
Чтоб теплом
И ярким светом
Люди людям
Помогли.
Чтобы сильный
Поделился
С самым слабым
Частью сил.
Чтобы мысли
О единстве
По планете
Ток носил.
Вот откуда
И куда,
Мы,
Артерии труда.

Wallenstein II
Vorstoß der Kriegsmarine in die Ostsee, breit angelegte Landoperationen gegen die Küste der DDR

HAMBURG

Holtfast
Offensive des I. Armeekorps in Richtung Schwerin

Lüneburger Heide

Winterschild
Angriff des III. Armeekorps in direkter Richtung auf Berlin

Braunschweig

Salzgitter

Goslar

Side Step
Angriff des II. Armeekorps mit Stoß in Richtung Leipzig

Sangerhausen

К Т О Р И С У

Смотрите, читатели.

Эту карту мы перепечатали из пионерского журнала «Ракета» (Германская Демократическая Республика).

Черные стрелы — направления главных ударов. Перед вами — очередной план нападения на Социалистическую Германию.

Кто разрабатывает планы?

Штаб НАТО — военного союза империалистов. 233 немецких офицера в штабе. 18 генералов. Среди них:

ХОЙЗИНГЕР. Тщательно разрабатывал когда-то операции по захвату Англии и Франции, Советского Союза и Югославии. Четко подписал 31 августа 1942 года телеграмму: «Сто заложников, арестованных на станции Славное, — уничтожить». А в марте 1955 года создал план «Деко II» — «Воссоединение Германии путем военного присоединения среднегерманских районов». Может быть, за это он и награжден высшим американским орденом «За заслуги»?

ФЕРЧ. За деятельность подчиненной ему армейской группы «Курляндия» фюрер лично вручил ему «железный крест». Бывший адъютант Паулюса генерал Адамс вспоминает: еще в русском плену Ферч размечал по карте СССР удары, которые его войска нанесут в будущую войну.

КАММХУБЕР. Был ближайшим советником Гитлера по авиации. Ныне командует западногерманскими военно-воздушными силами.

ШТРАУС. При Гитлере был всего лишь обер-лейтенантом. Зато сейчас устно и печатно призывает «рисковать в берлинском конфликте», то есть развязать новую мировую войну. Масштабы вполне гитлеровские.

Дух фюрера витает над Западной Германией.

Министр продовольствия ФРГ Вернер в августе 1961 года, произнося речь, оговорился: «...отдадим голоса нашему испытанному федеральному канцлеру Адольфу Гитлеру». Он хотел сказать — Аденауэру.

Не случайна его оговорка.

И не случайно Западную Германию поддерживают империалисты Соединенных Штатов. Империалисты привыкли загребать жар чужими руками. Им выгодно иметь во главе дивизий и армий «специалистов со стажем».

По всем этим «специалистам» плакала в свое время веревка в Нюрнберге. Все они избегли заслуженной кары, спрятались от нее за стенами роскошных тюрем, больше похожих на санатории.

А срок настал — и они на свободе. И уже не мемуары пишут, а докладные записки, в которых требуют оснастить войска бундесвера атомным оружием, и сочиняют проекты новых маршей на восток.

Но страны социализма сильны и едины. Они готовы защитить мир.

Е Т С Т Р Е Л Ы

Франсиско Хосе Гойя и Луисеннес

В. Герасимов

АДСКАЯ ТОЛПА

В один из последних дней восемнадцатого века в городе Мадриде два монаха словно невзначай забрели в лавку всяких древностей, где пахло пылью и старыми книгами. Любезный хозяин всплеснул руками и расцвел. Но гости в черно-белых доминиканских рясах, казалось, не спешили выкладывать деньги.

— Не желают ли святые отцы взглянуть на редкие античные монеты?

Нет, они не желают. Нет, языческие амулеты из Америки им тоже не нужны. И даже щепочку от креста господня они не купят в этот раз. Даже в золотой оправе. Даже по сходной цене.

— Говорят, у вас продаются новые гравюры королевского художника Франсиско Гойи, — негромко произносит монах постарше. — Любопытно. Покажите их.

Из-под прилавка появляется пухлая сафьяновая папка с надписью «Капричос» (по-испански это означает капризы, выдумки). Монахи садятся к свету, склонив над альбомом бледные бритые макушки. До хозяина долетают тихие слова, отдающие дымом костра и плесенью тюрьмы: «богоульство... оскорбление величества... зловерные семена вольнодумия...»

Хозяина прошибает холодный пот — нетрудно сообразить, что эти двое — из святой инквизиции.

У монахов наметанный и недобрый глаз.

— Узнаешь? — цедит сквозь зубы монах по-

Испанский народ вилами гонит оципанного французского орла. „Хищный зверь“ — так назвал этот офорт художник.

Два израненных крестьянина сжимают нож и пику. Против них — неумолимые ружья французов. „Со здравым смыслом или без него?“ — вопрошает Гойя.

старше, тыча пальцем в томного зубастого уродца с кривой шеей. Второй согласно кивает. Как не узнать Санчеса, любимого доносчика инквизиции!

— Ах, дон Франсиско, вы губите себя, — бормочут монахи. — Ах, какая неосторожность — срисовать самую злую ведьму с ее величества королевы. Палач пересчитает вам ребра, вот увидите!

— И не прикидывайтесь хорошим испанцем, Гойя. На последних листах вы собрали ночную погань, в которую верит всякий порядочный человек, не испорченный просвещением. Ведьмы на помеле. Домовые в погребке. Людоеды, присевшие перекусить под звездным небом.

Но у вас, дон Франсиско, кажется, свой взгляд на дьявольские силы? Иначе, как понять последнюю гравюру в папке — она на-

Портрет Исабеллы Кобос де Порсель.

носы. Только на плечах у привидений монашеские рясы, точь-в-точь, как у нас, ваших строгих критиков и судей. Так кого же, все-таки, вы изобразили, Гойя?

«Когда наступит день, они разлетятся в разные стороны» — написано над этой гравюрой. В другом месте сказано еще яснее: «Эту адскую толпу можно рассеять меткими выстрелами». Как ни крути, в наше время, на пороге девятнадцатого века, это называется р-е-в-о-л-ю-ц-и-е-й. Видите, Гойя, как далеко вы зашли?

— Конченный человек, — произносит вслух монах постарше, — он сам продиктовал нам приговор.

Они справляются о цене и, не торгуясь, отсчитывают монеты.

Под звон рождественских колоколов инквизиторы бережно уносят драгоценные улики.

СТАРЫЕ СЧЕТЫ

Гойе было за пятьдесят, когда «Капричос» поступили в продажу. Но монахов он любил дразнить и раньше, будучи мальчишкой. Город Сарагоса, где прошло его озорное детство, славился пышными крестными ходами по любому случаю. Процесии брели по древнему городу, распевая молитвы. Статуи святых из раскрашенного дерева качались над толпой. Иногда на какой-нибудь узкой улочке два шествия натыкались друг на друга. Невнятные латинские молитвы сменялись отчетливой испанской бранью.

Веселое чутье гнало мальчишек туда, где вспыхивал скандал. Франсиско и его приятели

раздували перебранку. Они пу- тались под ногами у монахов, потешаясь и дурачась.

Деревянные святые изумленно качались из стороны в сторону. Потом их прислоняли к стене. Все тут же забывали о них. Святые отцы сопели, засучивали рукава и принимались лупить друг друга.

Кто-то донес инквизиторам, что Франсиско Гойя (год рождения 1746, сын деревенского ремесленника, учится на живописца) и есть главный зачинщик этих потасовок, оскорбительных для христианской веры.

Гойя бежал из Сарагосы, не захватив даже кистей и красок.

Крепкими молодыми ногами он исходил всю страну. На дорогах Испании он обгонял слепых и прокаженных. Мимо пролетали кареты грандов — родовитых испанских дворян. В пыльном облаке сверкали драгоценности и белели старинные кружева.

Ход истории не ощущался в Испании. Словно кто-то еще в пятнадцатом веке пересыпал нафталином и замкнул от света целую страну.

В Мадриде по примеру других столиц завели было уличное освещение. Но даже тусклый свет масляных фонарей был невыносим для церковников. Они швырнули горсть мелочи толпе голодных нищих, и в одну из

ночей все мадридские фонари были побиты и опрокинуты.

Во всей стране не было ни одного знающего врача. Людей, читавших книги, называли чу-

даками и вольнодумцами. Зато монахов было больше, чем солдат...

Из юного бродяги, колесившего по дорогам, вырос лучший

художник Испании. Гойя зарабатывал хорошие деньги своими портретами. Но обидя за родную страну не переставала мучить его.

МЕДНЫЕ ДОСКИ И СТАЛЬНАЯ ИГЛА

В квартале, где жила беднота, Гойя снял комнату под самой крышей. Рабочие втащили наверх печатный станок и железную печку. У окна Гойя поставил стол и прибил полку наполюбие книжной.

На другой день полка прогнулась от тяжести медных кованых досок. В печке жарко заглели угли. В глиняном горшке забулькало темное варево из смолы и воска. По всему было видно, что дон Франсиско решил заняться рисованием офортов.

Красивое слово «офорт» по-французски означает всего-навсего «азотная кислота». Та са-

мая крепчайшая и злая кислота, к которой лучше не подходить несведущему человеку.

На первый взгляд офорт напоминает рисунок пером и тушью. При чем же тут, спрашивается, кислота? Ах, если бы она была ни при чем, — вздохнет любой художник. Только никак без нее не обойтись, просто беда!

Дело в том, что офорт сначала рисуется на медной доске, покрытой особым лаком — вроде того, что варился в мастерской у Гойи. Рисуется, конечно, не пером и тушью. Для этого нужен карандаш со стальным стержнем вместо грифеля. У художников такой инструмент называется просто иглой.

Понятно, что лаку из смолы и воска не устоять против стали. Получается рисунок, похожий на негатив, — чистая медь светится на темном фоне.

И вот тут-то появляется азотная кислота. Художник окунает в нее медную доску вместе с лаком и ждет, пока линии, проведенные иглой, не станут узенькими канавками. Кислота не тронет лака, но разъедает медь. Ядовитый пар окутывает мастерскую.

Потом лак смывают, а пластинку покрывают краской. Краска соберется только в вытравленных местах. После этого остается положить сверху лист бумаги и на печатном станке

сделать оттиск. Он и будет готовым офортом. С одной доски их можно напечатать сколько угодно.

А чем больше оттисков, тем больше людей, с которыми художник может поделиться своими мыслями. Именно за это любят художники технику офорта. И как раз ради этого Гойя пачкал руки липким лаком, задыхался от едкого пара и крутил тяжелое колесо станка.

В офорте под названием «Ленивцы» он изобразил бедняка с ослиными ушами и повязкой на глазах. Обманутый простолюдин кормил с ложки холеных уродов, ненасытных, как кукушкины птенцы.

Выпуская в свет «Капричос» Гойя звал свой народ сбросить повязку и обрести человеческий слух, отличающий правду от обмана. Его альбом был горькой повестью об испанских несчастьях. И эта повесть была написана на всеобщем и ясном языке — на языке искусства.

Инквизиторы, которым привольно жилось среди людей с ослиными ушами, решили погубить смелого художника. В его воображении с жуткой ясностью замаячила черная тюремная решетка.

Однако Гойя оказался великим хитрецом. Он подарил «Капричос» королю Карлосу, который, к счастью, не блистал особенным умом. При этом он выдал свои офорты за собрание шуточек, до которых король был большим охотником. И должно быть, тучный Карлос в недоумении перебирал гравюры, а Гойя для отвода глаз говорил туманные речи о «нашем про-

Безобразные монахи-дьяволы корчатся, предчувствуя зарю. Слова под рисунком полны надежды: „Пробил час!“

свещенном веке» и подсказывал его величеству, в каких местах следует посмеяться.

Так оно было или по-другому, но только инквизиторы прикусили языки. Что же делать,

если сам король переварил эти листки, не заметив привкуса безбожия и бунта.

После этой истории Гойя увидел, что заниматься искусством в Испании — дело опасное. Но

угрозы инквизиции не отбили у него интереса к возможностям офорта. Через несколько лет он изобразил еще горшие беды, которые обрушились на испанский народ.

ЛЮДИ ИЛИ МУНДИРЫ?

Наши близкие потомки будут жить в разоруженном мире, не зная, что такое угроза войны. И может быть, учитель истории, рассказывая о войнах, потрясавших когда-то землю, поведет школьников будущего в музей, где хранятся старые картины, написанные в память о сражениях и походах.

Любознательные школьники увидят ровные оловянные батальоны, которые не спеша, в

отутюженных мундирах, шагают на штурм какого-нибудь редута, а может и бастиона. Неприятельские пушечки постреливают белым дымом. Полкартины, а то и больше, занимает король или генерал на лихом коне. Поза у всадника большей частью неудобная, но героическая.

Наглядевшись старых картин, наши потомки изумятся — стоило ли объявлять войну вне закона, если с виду она была та-

кой славной и очаровательной.

Впрочем, этого не случится. Люди давно разучились верить плохим художникам, чья кисть холодна и раблепна.

Так пусть же экскурсия будущего минует огромные полотна и направит путь к офортам все того же Франсиско Гойи. К маленьким картинкам, где художник изобразил войну с полным и потрясающим сходством...

ДОРОГА В САРАГОСУ

Майским утром 1808 года жители Мадрида слышали французские военные марши под своими окнами. Из расклеенных на стенах манифестов испанцы узнали, что их пузатый король с носом, похожим на сардельку, бежал неведомо куда, а сами они покорены французами в одну ночь и без единого выстрела. Император Наполеон одержал самую легкую и прибыльную из своих побед.

Но так думал разве что один Наполеон, да и то недолго. Очень скоро испанское небо затянулось пороховым дымом. Французы, которым не стоило особого труда перемолоть любую армию Европы, увидели, что эта война будет не похожа на другие. В первый раз они схватились с босоногим и голодным народом, которому нечего было защищать, кроме четырех углов родимой земли. А покорить народ, взявшийся за оружие, до сих пор не удавалось никому...

День Гойи начинался с покупки газет. То радуясь, то пе-

чалясь, он пробегал глазами скупые строки военных сводок. В конце августа он узнал, что французы с большими потерями отступили от Сарагосы. Гойя ощутил гордость за земляков и тоску по родным местам. Он велел запрягать мулов и стал собираться в дорогу.

Карета катилась мимо несжатых полей и разоренных деревень. Черные птицы кружили над редкими деревьями. На деревьях качались повешенные. Из окна кареты испанская земля казалась огромной мертвецкой.

Холодными ночами на постоялых дворах собирались парни из партизанских отрядов. При свете огарка начинался неукротивый крестья-

Даже страдания этого узника кажутся Гойе полными благородства. Но сколько горечи в его обращении к великому инквизитору: „Сапата, память о тебе бессмертна!“

янский разговор. Говорили о войне, о погибшем урожае, о французах, которые, не добившись победы, стали бандой убийц. Гойя увидел, как обманчива была могильная тишина

дороги. Народ Испании забыл о страхе и не был согласен ни на что, кроме победы.

«Я ЭТО ВИДЕЛ»

Белые стены Сарагосы были покрыты копотью, битый кирпич краснел, как живое мясо. Постаревшие родственники таскали Гойю по городу, рассказывая день за днем всю историю славной обороны. Как французы выслали парламентариев и предложили гарнизону сдаться. Как получили они краткий и гордый ответ — битва на ножах! Как в полусгоревшем театре поставили забытую трагедию Сервантеса. Как молоденькая офицерская жена, оставшись одна на батарее, пала картечью по наступающим цепям.

Гойю потянуло к медным доскам, в мадридскую мастерскую, пропахшую смолой.

В новых офортах он изобразит войну, какой увидел ее, — без игрушечных солдатиков и гарцующих генералов.

Вместе со всей Испанией он оплачет мертвых — повешенных, обезглавленных, расстрелянных, заколотых штыками.

Он расскажет о храбрецах, которых он видел во время своего тревожного путешествия. Артиллеристку из Сарагосы он

тоже не забудет. Он посвятит ей один из самых ясных и чистых офортов. И рядом с маленькой тонкой женщиной на вечные времена останется подпись, сделанная восхищенным художником: «Какое мужество!»

Никогда прежде он не рисовал так быстро и просто. Никогда еще в его офортах не было столько гибкости и силы.

Он изобразил кровавую мглу, сгустившуюся над родной страной. Зарево близких пожаров выхватывало из тьмы фигуры людей, охваченных ужасом и болью.

Часто его поседевшая голова падала на грудь, как у тех, кого расстреливали захватчики. Он переживал со своими героями последние минуты жизни, он ощущал холод ружейных стволов, направленных в сердце. И тогда под офортom появлялась горестная подпись: «Против этого нет средства...»

Его мучило страшное воспоминание о придорожном дереве, увешанном обрубками мертвого тела. Он так и не узнал, кем был этот испанец. Может быть, партизаном, замученным без су-

да. А может быть, простым бродячим точильщиком, у которого нашли кухонный нож. Тогда, в дороге, кучер зло хлестнул мулов и крикнул: «Велика победа! Над мертвым-то!» От этих слов невозможно было отвязаться, и Гойя вывел их под своим офортom.

Во все времена изобразительное искусство считалось немым по своей природе. Но в офортах Гойи гремели выстрелы и стояли раненые, раздавались отрывистые команды и проклятия. Тем страшнее были листы, где искусство возвращалось к безмолвию, где умолкал шум войны и над грудой непохороненных мертвецов звучал только одинокий голос художника: «Разве для этого вы родились?»

Пропадая сутками в своей мастерской, Гойя думал, что не худо бы когда-нибудь собрать эти листки в большой альбом, достойный члена Академии художеств. А пока пусть будут они газетой для неграмотных. Пусть расхватывают их прямо из-под пресса все, кому охота. Как чистую воду. Как свежий хлеб.

ПО ЕГО ПРИМЕРУ

Когда-то Гойя был единственным в мире художником, поднявшим голос против войны. С тех пор многое переменялось на свете.

Человечество убедилось, что зверства наполеоновских карателей — совсем не предел жестокости. В словарях появились новые слова: «лагерь смерти», «душегубка», «газовая камера».

В свое время Наполеон луч-

ше других знал, как расставить пушки, чтобы в один день убить несколько тысяч человек. Рядом с генералами, уничтожившими Хиросиму, он выглядит пещерным невеждой.

Тем нужнее для нас Гойя с его наследием.

Каждый народ, страдавший от войны, помнит великого испанца. Многие художники берут с него пример.

Во Франции — Пикассо, в Японии — Маруки и Акамацу, в Мексике — Сикейрос, в нашей стране — Пророков. У каждого из них своя манера и свой подход к искусству. Но всех их роднит верность великому правилу:

«Искусство служит не для украшения комнат. Это — оружие наступления и обороны в борьбе с врагом!»

Франсиско Гойя

КАКОЕ МУЖЕСТВО

"Дружные" ребята

Рисунок Ю. Данилова

ОТОЙДИ ОТ МОЕЙ ЛОШАДИ

Сергей Вольф

Рисунок В. Голявкина

Был, знаете ли, один такой случай.
В нашем городе, в Ленинграде.
Можно даже сказать... в моем районе.
В школе, где я учусь.
На третьем этаже.

Даже в моем классе, если уж вам так хочется знать.

Между прочим, со мной.

Хотя, по правде говоря, я здесь ни при чем, не виноват. Это, я думаю, с самого начала ясно.

Все произошло на уроке рисования.

Мы всегда на этом уроке тюленя рисовали или белого медведя. Срисовывали с картинки. Мне это здорово надоело. Честно. Я так об этом и сказал нашей новой учительнице.

Просто прелесть что за учительница. Сразу согласилась что-нибудь другое нарисовать. Молодая, а понимает.

— Не тюленя! Не медведя! — закричали все.

— А что? — спросила она. — Что именно?

— А именно вот что! — крикнул я. — Про что мечтаем, то и рисуем.

И она опять согласилась. Я же вам говорю, что она совершенно исключительная учительница.

Сначала я нарисовал ракету и себя в ней. Но у нее куда-то хвост загнулся, и я решил вернуться на землю. В общем, слетал.

Потом я нарисовал себя с новой хоккейной клюшкой.

Потом килограмм винограду.

Потом еще полкило.

Потом вспомнил про лето и нарисовал лошадь, себя и Тимку.

Потом я нарисовал, будто я говорю: «Отойди от моей лошади!»

— Зачем же? — спросил Тимка.

— Низачем, — сказал я. — Сам не можешь сообразить, что ли? Ты будешь рыцарь пеший, а я рыцарь конный.

И я нарисовал себя на лошади, а Тимку без лошади и еще я нарисовал себе и ему щит и меч.

Потом я забыл нарисовать ему шлем и закричал на весь класс:

— Эй, рыцарь, где ты потерял свой шлем?!

Все зашумели, а учительница сказала:

— Что? Что случилось?

— Ничего! — закричал я. — Пока ничего! Эй, Тимка! Подними забрало!

И я быстренько нарисовал ему шлем.

Потом Тимка стал капризничать, и мне пришлось нарисовать ему лошадь.

— Эй-го-го! — закричал я на весь класс Тимкиным голосом. — Алешка! (Алешка — это я). Иду на тебя.

— Берегись, ничтожество! — крикнул я и нарисовал, как я размахиваю мечом и мчусь на Тимку.

— Не по правилам! — закричал Тимка.

— По правилам! — закричал я.

— Умри, несчастный! — кричит Тимка.

— Еще не известно кто! — кричу я.

Наши кони бесстрашно мчатся навстречу друг другу.

— Бенц! — кричу я и рублю Тимку изо всех сил мечом по голове. — Бенц-те-ре-ренц!

— Ур-ра! — кричит Тимка. Его шлем крепок как сталь.

— Бенц! Та-та!

— Умри, подлый рыцарь!

— Еще не хватало!

— Эй-го-го!

Тимка падает! Ур-ра! Его конь ранен.

— Сдавайся! — кричу я. — Мелкий подлый враг! Задняя нога лягушки! Трусливый заяц! Пустой горшок! Двоечник! Клякса!

— Алеша Петров!

— Ржавая кошка!

— Алеша Петров!

— Дырявый холодильник!

— Алеша Петров!!!

— Я тебе не Алеша! Я рыцарь, мрак на твою голову, синяя мочалка!

— Алеша Петров?! Что здесь происходит?

— Что? — спросил я и поднял голову.

И увидел вот что: весь класс забрался на парты вокруг меня и смотрел, как я расправляюсь с этим наглым рыцаришкой, а потом все стали айкать и ойкать и прыгать с парт вниз, и тогда я наконец увидел нашу учительницу, совсем красную, и других учителей, и завуча, и директора, и медсестру, и нянечку, и всех-всех...

А про то, как я был в кабинете у директора и про всякое такое, мне неохота рассказывать.

Теперь все говорят, что я урок сорвал.

Говорят, что подвел новую молодую учительницу. Такая славная, просто не верится, что я мог это сделать.

Просто я не нахожу объяснения.

Похоже, что это какая-то ошибка.

ОЛЕНИ ВЫХОДЯТ К МОРЮ

Владимир Ширяев

Гравюры Е. Овчинникова

САМОЛЕТ ЛЕТИТ НА СЕВЕР

Вася Валёй уже давно ждал самолета в тундру. Кончились занятия в школе, начались летние каникулы, а самолета все не было. Он теперь часто вспоминал о тундре. Он ведь и родился там, и каждое лето ездил с отцом и матерью к морю.

Вася вспоминал лебедей на широких озерах, оленей, скачущих в упряжке по холмам и долинам, костер, горящий посреди чума, свою мать, всегда озабоченную и ласковую, и его сердце начинало сильнее биться. Нет в тундре мягких кроватей и белых занавесок, настоящих столов и стульев — таких, как в интернате, — и все же тундра звала, обещала совсем другую, интересную жизнь.

Однажды вечером, когда Вася играл с товарищами во дворе интерната, к нему подошел воспитатель: «Ну, Василий, в тундру летит самолет!»

Вася недолго собирался. Наутро он уже был на аэродроме. Теперь от чума родителей его отделяли всего несколько часов.

Вася все боялся, что испортится погода, а летчики как будто не торопились. В самолет грузили мешки, набитые письмами и газетами, книги, связанные в пачки, фанерные ящики — посылки.

Вася терпеливо ждал в сторонке, когда его позовут садиться. Летчики уже знали, что

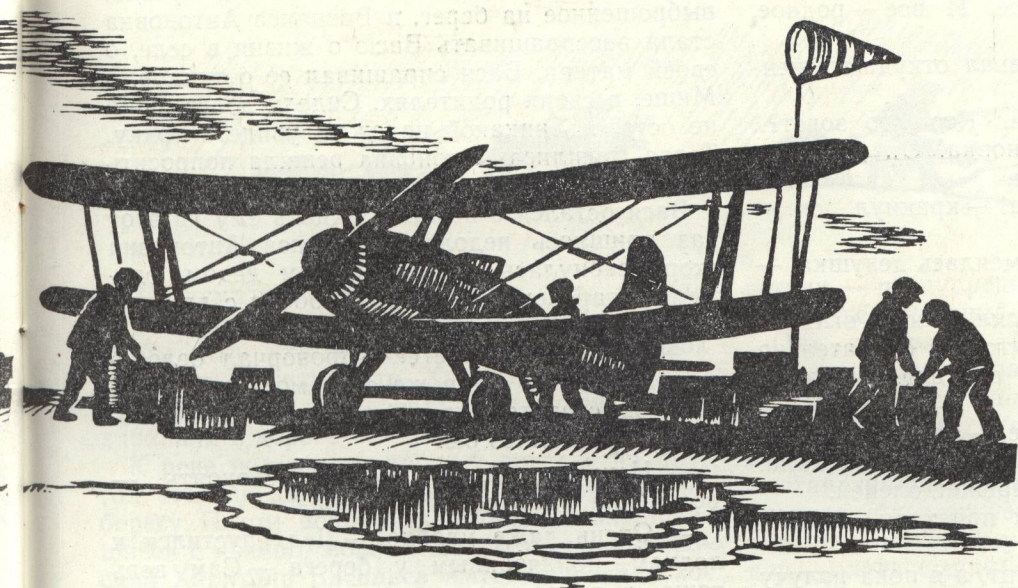
он летит в тундру, и шутили: «Мы тебя прямо к чуму сбросим с парашютом!» Вася не испугался. Он и с парашютом прыгнет, если понадобится. Но в правлении колхоза ему сказали: пастухи уже знают о самолете и встретят Васю.

Около полудня самолет поднялся в воздух. Вместе с Васей летели работники почты и пастухи из соседнего колхоза. Вася был единственный пассажир, летящий к стоянке колхоза «Звезда». Председатель колхоза тоже полетит туда, но позже, к летнему празднику оленеводов, в начале августа.

Как весело бывает в тундре во время этого праздника! Оленеводы из многих колхозов собираются в самом красивом месте и целый день веселятся. Скачут наперегонки олени упряжки, пастухи состязаются, кто дальше kinetic топор, кто точнее набросит на колышек длинный аркан, кто лучше перепрыгнет через трое саней, поставленных в ряд одни за другими. Потом поют, пляшут. И самым ловким, самым сильным, самым метким присуждаются премии.

Вася сидел на металлической скамейке, поставленной вдоль борта, и смотрел в окно. Ровно гудели моторы. В их гудении возникла веселая песня, такая радостная, что Васе самому захотелось петь. И он стал подбирать слова под музыку моторов.

Окончание См. „Костер“ № 7, 1962 г.

«Скоро будем дома, скоро приеду в стадо...» — напевал он. И моторы отвечали: «Скоро будешь дома, скоро приедешь в стадо...»

Под крылом самолета медленно тянется тундра. То зеленая, то серая, то желтая. Это проплывают внизу болота, луга, скалы. Не видно ни поселков, ни деревень, ни дорог. Только один из притоков Печоры гнался, гнался за самолетом, суживался, превратился в тоненькую ниточку и затерялся наконец среди бесчисленных озер.

Вот посреди голубого озера виднеются белые пятнышки, похожие на льдинки. Это плавают внизу белоснежные лебеди. Летит от одного озера к другому много черных точек — это утки. Остальных обитателей тундры не видно с высоты, они прячутся среди зеленых трав.

Вот завиднелся одинокий чум. Увидел его Вася — и сердце прыгнуло от радости.

— Чум! Чум! — закричал он так громко, что пассажиры обернулись в его сторону.

— Чум, — почтовый работник кивнул. — Может быть, вашего колхоза?

Вася так прижался лицом к стеклу, что его нос, и без того курносый, совсем слился со щеками. Он увидел оленей, целое стадо, похожее сверху на стайку комаров. С такой высоты не разглядишь, чьи они. В тундре кочуют стада многих колхозов, а чумы все одинаковые.

Прошло немного времени, и вот уже внизу открылся Северный Ледовитый океан. Над бледной голубизной воды поднимаются белые скалы. Это огромные льдины плавают по Карскому морю. Они такие большие, что за летние месяцы не успевают растаять.

Самолет сделал большой круг над берегом моря и начал потихоньку спускаться. Теперь машину сильно болтало. Васе даже пришлось схватиться обеими руками за края сиденья, чтобы не упасть на лежащие под ногами ящики и посылки. Резко трянуло, и колеса самолета скрипнули, коснувшись земли. Самолет остановился.

Из пилотской кабины вышел летчик.

— Приехали, — сказал он пассажирам, подошел к Васе и взъерошил его черные волосы. — Видал чум?

— Видал.

— Это чум вашего колхоза.

Летчик открыл дверцу, спустил железную лесенку и сошел на землю. За ним спустился и Вася. От болтанки у него кружилась голова. Даже покачивало немного. Он взял чемодан и пошел к аэропорту.

В небе сверкало ослепительное солнце, и все же воздух был прохладный. Холоднее, чем в селе, где Вася учился. Это дышал поблизости Ледовитый океан.

Вася шел навстречу холодному ветру и радовался. Вот он и в тундре! Места совсем не-

похожи на долину реки Усы: и солнце, и воздух, и земля — все другое. И все — родное, знакомое, дорогое сердцу.

— Вася! Василий! — позвал откуда-то женский голос.

Вася закрутил головой. Кто его зовет?.. Это была Василиса Антоновна! Он узнал ее сразу, хотя давно не видел.

— Василиса Антоновна! — крикнул он. — Здравствуйте, это я!

— Вижу, что ты... — засмеялась девушка. — Почти с утра жду...

— А где папа? — спросил Вася, оглядываясь вокруг. Он думал, что его обязательно встретит отец, и даже во сне видел, как он приехал на оленях.

— У отца дело в стаде, — ответила Василиса Антоновна. — Я с Харитоном приехала. Он на том берегу реки стережет оленей.

— А на скольких санях приехали? — спросил Вася.

— На двух. Ты иди в порт, а я пока получу почту и груз.

Васе не хотелось сидеть одному, и он увязался за Василисой Антоновной. Они получили весь груз для пастухов и пошли в поселок. Оставалось только перебраться на другой берег реки, к оленям.

Но не так-то легко выбраться отсюда! Когда Василиса Антоновна ехала в поселок, ей повезло: переправилась вместе с рыбаками. Нужна лодка, а где ее взять?

Тут, как назло, и погода начала портиться. Небо над океаном затянуло темными тучами. Подул сильный ледяной ветер. На реке не было видно ни одного катера, ни одной лодки.

Решили ждать на берегу, пока кому-нибудь понадобится ехать на тот берег. Попросить же лодку у кого-нибудь из жителей Василиса

Антоновна стеснялась. Они сели на бревно, выброшенное на берег, и Василиса Антоновна стала расспрашивать Васю о жизни в селе, о своей матери. Вася спрашивал ее о тундре, о Мише, о своих родителях. Сидели долго, пока не осталось никакой надежды увидеть лодку. Тогда Василиса Антоновна решила попросить помощи в правлении здешнего колхоза.

Вася остался с вещами. Ждать ему на этот раз пришлось недолго. Василиса Антоновна скоро вернулась с белобородым дедом, одетым в старенькую малицу и тобоки с длинными голенищами.

— Так долго ждете? — проворчал белобородый дед. — У меня же своя моторка. Спросили бы старого Сязея, давно уже на ту сторону перебрались бы.

— Неудобно было людей беспокоить... — возразила Василиса Антоновна.

— Очень даже удобно! — Дед спустился к лодкам, привязанным у берега. — Сам ведь тоже с оленями в тундре ходил, знаю эту жизнь... А вода — вода и есть. По ней пешком не пройдешь... Нехорошо только, что отправляетесь, не попив чайку. Моя старуха мигом бы самовар поставила...

Василиса Антоновна с Васей погрузили вещи, сели в лодку и вскоре уже стояли на другом берегу реки. Василиса Антоновна полезла было в карман за деньгами, но дед энергично замахал руками:

— За помощь в беде не берут денег! А нужна будет лодка — не стесняйтесь, приходите ко мне.

— Спасибо, бабушка! — Василиса Антоновна помахала старику рукой, взяла вещи и стала подниматься на крутой берег. Вася бежал следом.

В ГОСТЯХ У ВУРОПАТКИ

Олени стояли там, где их оставила Василиса Антоновна — в нескольких шагах от берега, но Харитона с ними не было.

— Где же он? — Василиса Антоновна оглянулась.

— Может, ушел куда-нибудь? — спросил Вася.

— Куда же ему идти, одному-то, в тундре?

— На охоту, может, пошел? — спросил Вася.

— У него и ружья-то нет... — Василиса Антоновна вздохнула.

Подошли к саням. Одни из оленей лежали на траве, другие стояли, понуро опустив голову. Вася узнавал знакомых оленей, называл их по именам, и от этого ему казалось, что он

уже дома. Он гладил быков по шеям, ласково касаясь ладонями мягкой шерсти, трогал широко раскинутые рога.

Василиса Антоновна пошла вдоль берега, всматриваясь в даль, повернула, прошла назад.

— Может, где заснул? — она еще раз обошла ближние сухие холмы.

— Харитон! — крикнула что есть мочи.

Звук ее голоса полетел над просторами тундры, исчез без всплеска, как галька, брошенная в море.

— Харитон! Харито-о-он! — закричали вдвоем с Васей, но никто не отозвался.

Василиса Антоновна задумалась, вспоминая поездку.

Из чума они выехали под утро, ехали рысью, не торопясь. Часто останавливались, чтобы дать отдых оленям. После остановок менялись местами: то Харитон впереди, то сани Василисы Антоновны. Почти не разговаривали в дороге.

К реке подъехали, когда в поселке на другой стороне задымили трубы. Час ждали на берегу. Потом появились рыбаки, возвращавшиеся с ночного лова. «Кто съездит?» — спросила Харитона Василиса Антоновна. «Ты, конечно, — пробормотал Харитон. — Мне там делать нечего...» А теперь и след простыл Харитона, и непонятно, где его искать.

И только теперь она вспомнила предостережение Александры Петровны.

Так вот в чем дело! А я тут брожу да как дурочка его дожидаюсь. Он, наверное, после моего ухода переехал на ту сторону и теперь пьет с какими-нибудь дружками! Ну и пей, к черту! — девушка подошла к Васе и решительно посмотрела ему в глаза:

— Оленями править умеешь?

— Умею!

— Садись в сани и поезжай за мной!

— А Харитон?

— Напьется — вернется! — сердито ответила Василиса Антоновна. — Может, ему на это три дня понадобится. Некогда ждать. Сами не евши, и олени тоже голодные. Пусть пешком топают!

Вася молчал, не зная, что ответить. Ему не хотелось оставлять Харитона и в то же время очень хотелось домой, к отцу и матери, к братишке Мише.

— На сани Харитона вещи привяжем, — распорядилась Василиса Антоновна.

Они увязали ящики и свертки, и Вася сел в сани Харитона. Сначала он поднял оленей, поправил упряжь, намотал на правую руку вожжи. Василиса Антоновна одобрила его: «Молодец, все делаешь, как взрослый! С тобой в беде не пропадешь!»

Хорей Харитона оказался под стать ему самому: тяжелый и толстый. Девушка взяла у Васи хорей и дала ему свой, полегче.

— Только держи покрепче, в землю не

воткни, — предупредила она Васю, — а то ушибиться можешь!

Они тронулись. Отдохнувшие олени шли дружно, ровно, не замедляя скорости даже на суходолах. Вот уже осталась позади Кара, поселок на ее берегу, скрылось из вида море. А впереди, куда ни глянь, — однообразная холмистая тундра. Сверкают зеркалами озера в низинах, блестят узкие протоки. Ручьи журчат по каменистому дну. В глубине, под водой — оледеневший снег: солнце еще не растопило.

Вася смотрел по сторонам: вот купаются в озере лебеди и гуси. Полярные совы сидят в своих гнездах белыми столбиками и таращат на Васю глаза, кивают, будто здороваются. А на самом деле совы днем ничего не видят, они спят. Только ночью выходят на охоту, гоняются за мышами.

«И надо же было поехать с бестолковым Янгасовым, — сердилась Василиса Антоновна. — Уж нарочно оставила его при санях, и то сбежал. Не зря, видно, говорят: «На черной собаке белая шерсть не растет.»

Погода становилась все хуже. Небо целиком затянуло серым провисшим покрывалом облаков. Заморосило. Вася поднял воротник пальто, повернулся спиной к ветру, закрыл подстилкой ноги.

Василиса Антоновна тоже была легко одета и теперь жалела, что не догадалась взять одежду потеплее.

— Мерзнешь? — крикнула она Васе.

— Нет, — ответил Вася, — нисколько не мерзну. — А сам съезжился, дрожит.

Девушка остановила сани и протянула Васе подстилку:

— Прикройся.

Про себя Василиса Антоновна снова помянула Харитона недобрым словом: если б не искали его на берегу да не ждали, уже подъезжали бы к чуму, а сейчас и половины пути не одолели. Да теперь еще промочит! От дождя в тундре не спрячешься: ни куста, ни дерева на сотни километров пути.

Решили ехать без остановок. Под дождем почва размякла, сани скользили лучше. Оле-

ни, подгоняемые хореями, посапывая неслись вперед.

Вода капала с шапки Васи за шиворот, тоненькой струйкой стекала по спине, вызвала противную дрожь: «Сейчас бы в теплый чум», — подумал он и сам на себя рассердился: совсем недавно так хотел увидеть тундру, полюбоваться родными местами, а тут скис из-за какого-то дождя. Настоящий оленевод не должен жаловаться на непогоду и слякоть. Ведь не жалуется его отец или дядя Илья!

— Чего бояться, — успокаивал себя Вася, — ну, пойдет дождь и перестанет, снова будет хорошая погода.

Однако дождь усилился. И когда наконец перестал, появился туман. Густая мгла осела в низинах, поползла выше и заволокла суходолы.

— Вот и приехали! — крикнула Василиса Антоновна и остановила оленей. — Придется здесь торчать.

Туман в тундре — самое худшее для путников. Не видно ни зги. Можно проехать в сотне метров от своего чума и не заметить его. Поэтому даже самые опытные пастухи останавливаются и ждут, пока не рассеется туман, пока не завиднеется на горизонте остроконечная верхушка чума.

— Долго будет туман? — спросил Вася.

Василиса Антоновна не знала, что ему ответить. Бывает, что туман держится целые сутки, а то и больше.

— Разойдется, Васенька! — сказала она, пошла к Васе и села рядом с ним. Сначала им обоим стало теплее. Но скоро Вася стал постукивать ногами, сбросил намокшую подстилку и принялся махать руками.

На раскисшей земле не было видно ни одного следа саней, по которому можно было бы двигаться дальше хоть кое-как. Холмы и бугры, еле проступающие сквозь туман, казались и знакомыми и незнакомыми. Около самого чума есть такие холмы. Но такие же есть и подле реки, и близ прежней стоянки оленеводов. Оставалось одно: ехать все прямо и прямо, держась прямой линии, ведущей к чуму. На худой конец, можно попасть к стаду.

Да, не думала Василиса Антоновна, что придется ей заблудиться в тундре, хоть и не боялась трудностей пастушеской жизни. А теперь вот и заблудилась...

Олени, отплевываясь и хрюкая, неслись прямо вперед.

* * *

Так ехали Вася с Василисой Антоновной целую ночь. Остановились лишь тогда, когда

стало ясно, что чум найти невозможно. Дождались дня, но и день ничем не порадовал: кругом неподвижно висел белый плотный занавес тумана. Сквозь него уже ничего не было видно.

— Что ж, отдохнем в гостях у куропатки... — сказала Василиса Антоновна.

Вася промолчал в ответ. Ему ни разу еще не приходилось ночевать «в гостях у куропатки», но он знал: так говорят оленеводы, когда им приходится ждать хорошей погоды посреди тундры.

Поднялись на бугор, выбрали место посуше, распрягли оленей. Поставили сани на сани, сверху положили груз, завесили наветренную сторону оленьей шкурой. Получилась небольшая загородка. Вторую подстилку положили на землю и сели на нее.

— Ноги намокли? — спросила Васю девушка.

— Немножко... — соврал Вася.

— Ну-ка, переобуйся!

Вася снял сапоги, и девушка увидела, что он в одних носках, без портянок. Ноги покраснели, и было видно, как сильно они замерзли.

— Что ж ты молчал?

— А они не мерзнут...

Василиса Антоновна опрокинула сапоги. Оттуда полилась грязная вода.

— Надо бы что-то сухое на портянки... — она беспомощно оглядывалась: где взять сухую тряпку? Потом быстро разулась, разорвала одну свою портянку пополам и дала Васе. Разорвала вторую и намотала половинки на свои ноги.

Стало теплее, но не надолго. Сидели не двигаясь, и скоро ноги стали мерзнуть еще сильнее. А когда мерзнут ноги — все тело мерзнет. Василиса Антоновна встала и принялась ходить взад-вперед, чтобы согреться, а Вася тем временем задремал.

Снова пошел дождь, и девушка спряталась к Васе под оленью шкуру. «Куропаткино гнездо» не спасало от дождя, но хорошо было уже и то, что он не хлестал по лицу. Стоит закрыть глаза — можно представить, что сидят они в настоящем чуме. Девушка не мечтала о большой деревенской печи, был бы простой чум, крытый брезентом. Эх, в какой стороне теперь этот чум? Как до него добраться?

Она попыталась задремать, но не смогла: от холода зуб на зуб не попадал. Тогда она закрыла Васю подстилкой, а сама стала ходить, надеясь согреться.

Дождь и не думал кончаться. Теперь, когда путники вымокли до нитки, он казался еще противнее. Подстилки стали скользкими и со-

всем не грели. «Неужели этот дождь никогда не кончится? — беспокойно думала девушка. — Неужели не разгуляется погода?»

Она хорошо знала, что такая погода может продолжаться целую неделю. Чем больше она

ка ехала первой, взбиралась на каждый высокий холм в надежде увидеть с него стоянку. Снова проезжали бесконечные низины, проливы, озера. В тумане громко кричали гуси и утки, словно боясь потерять своих птенцов.

думала об этом, тем сильнее тревожилась. «Нечего ждать, — решила девушка. — Нас наверняка уже ищут. Может, встретим кого-нибудь».

Василиса Антоновна разбудила Васю. Они запрягли оленей и двинулись дальше. Олени взяли с места дружно и поскакали рысью. Им, видно, тоже надоело стоять на месте. Девуш-

Вася молчал, ни о чем не спрашивал.

Девушка ободряла его:

— Потерпи еще немного. Уже скоро!

Она не хотела признаться себе, что они потеряли дорогу. Ведь когда человек верит и надеется, ему легче переносить тяготы. «Только бы совсем не замерзнуть», — повторяла она про себя.

Приближалась вторая ночь путешествия. Вася и девушка еле держались на санях от голода и усталости. Намокшая одежда прилипла к телу.

— В какой стороне наши? — спросил наконец Вася. — Куда мы едем?

— Куда? — упавшим голосом повторила

Василиса Антоновна. — Потерялись мы, Васенька... Но ты не бойся! Найдем мы свой чум. Обязательно найдем!

Эти слова прозвучали так искренне и горячо, что от них самой девушке стало легче.

Они ехали все вперед и вперед, торопясь куда-то. А куда — они и сами не знали.

А В ЭТО ВРЕМЯ В ЧУМЕ...

Отправив Василису Антоновну и Харитона, дядя Илья и Мишин отец сели возле чума на сани. Молчали. Неторопливо курили толстые цыгарки. Неподалеку в низине топтались олени. К мужчинам подошла Мишина мать. Увидев это, к взрослым тотчас подобрался и Миша.

— ...Хорошо, если не возьмет Харитона с собой в поселок... — услышал Миша голос дяди Ильи.

— Она этого не сделает... — сказала Мишина мать.

Тут Миша вспомнил, как Харитон перед отъездом ходил вокруг саней с вещами бригады.

— Дядя Илья, а Харитон... — начал он и запнулся, увидев, что мать взглянула на него сердито. Миша знает: скажешь при матери плохое про Харитона — добра не жди. Еще ранней весной, когда снег стаял лишь на буграх и тундра была похожа на шкуру оленя в темных яблоках, Миша попросил Харитона взять его с собой к стаду. А тот будто и не слышал. Уселся в сани и был таков. Миша обиделся и закричал вдогонку: «Харитон — дурак! Харитон — дурак!» Мать услышала из чума, подошла тихонько и как следует шлепнула Мишу ремнем: не дразнись, так, мол, только собаки лают. После этого Миша невзлюбил Харитона пуще прежнего.

— Что — Харитон? — переспросил дядя Илья. Но Миша уже повернулся и бросился стремглав к чуму.

— Хворосту в огонь подложи! — крикнула вдогонку мать.

Огонь под чайником угасал. Миша наломал мелких веточек, положил на тлеющие угли и стал раздувать пламя. Ветки немного потрескались, но скоро разгорелись. Миша сел на латы, поджав под себя ноги и стал смотреть на язычки пламени. «Вася бы не побоялся дразнить Харитона, — размышлял Миша. — Он уже большой, в школе учиться и никого не боится... Надо дяде Илье рассказать про Харитона...»

Он пригрелся у огня и заснул.

Проснулся за полдень, совсем один в чуме. Выбежал наружу — и у чума никого нет. Побежал к своему песцу. Зверька не было видно. Только глубоко в норку из дерна уходил поводок.

— Хорошо тебе здесь! — Миша присел перед норкой. — Не хуже, чем в прежней норе. И ветер сюда не дует, и дождик не попадает! Зверек настороженно смотрел на Мишу из норы и старался забиться глубже. Миша сунул в нору палец. Песец стукнул по пальцу лапкой и попытался укусить.

— Совсем как собачонка! — засмеялся Миша. — Ты меня не боишься? Нисколечко? Тогда тебя можно отвязать!

Миша вытащил зверька из норы, посадил на колени и развязал на шее веревку. Песец свернулся, как щенок, и притих у Миши на руках. Мальчик прижался щекой к мягкой шерсти зверька, и в этот момент песец неожиданно выпрыгнул из его рук и молнией бросился под гору.

— Ой!.. — только и успел сказать Миша. Протянув руки, он кинулся за песцом. Казалось, он уже настигает зверька, но тот прибавлял ходу, и Миша начал отставать. На заболоченном берегу озера Мише пришлось остановиться. Песец прыгал с кочки на кочку, а ноги Миши увязли в грязи.

Миша заплакал и, размазывая по лицу слезы, вернулся к чуму.

— Что случилось? — спросила мать.

— Песец убежал...

— А я-то думала, приедет Вася — вместе играть будете... — расстроилась мать.

— А когда он приедет?

— Скоро уж, скоро...

— Сегодня?

— Конечно. Может, через час, а то и раньше.

— Мам, а с какой стороны он приедет?

— Туда вон смотри, — мать махнула рукой на восток. — А я пока поесть приготовлю.

Миша уселся поудобнее на пустые сани, положил голову на колени и стал смотреть туда, где голубое небо касается зеленой по-

верхности тундры. Он сидел и мечтал о том, как приедет Вася и будут они вместе ездить на оленях, гоняться за песцами. Скоро стадо двинется к морю, а пройдет лето — повернет к лесам, к родному селу. Мише не придется возвращаться со стадом: он вместе с Васей полетит на самолете в школу.

Миша так боялся пропустить момент, когда появится Васина упряжка, что у него от напряжения заболели глаза. Но никого не было видно на зеленой поверхности.

— А они не едут, — пожаловался Миша матери, вернувшись в чум.

— Погоди, приедут. Может, самолет опоздал... Садись к огню, скоро будут горячие пироги!

Уже наступил вечер, и в чуме было слышно, как лают собаки, перехватывая убегающих от стада оленей. Пастухи возвращались ужинать.

Миша выбежал навстречу и увидел, что погода испортилась.

Теперь тундра была похожа на тяжело больного человека: угрюмая, мрачная, будто и видеть никого не хочет. И кажется: если хорошенько прислушаться, можно услышать ее сиплое дыхание. Начал моросить дождь. Миша даже не посмотрел в сторону отца и дяди Ильи, он вглядывался туда, откуда должен появиться Вася. Ему так хотелось, чтобы сейчас, в эту самую минуту, из низины, закрытой туманом, выбежала упряжка, свернула к чуму, взобралась на верхушку бугра... У него даже дыхание перехватило.

— Ты чего мокнешь? — спросил отец, положив Мише на голову ладонь.

— Хочет подрасти перед школой, — пошутил дядя Илья. И спросил:

— Еще не приехали?

— Нет, — жалобно ответил Миша.

— В такую погоду они не приедут, — заходя в чум, проговорил дядя Илья.

Мужчины уселись на оленьи шкуры, скрестив ноги, мать придвинула к ним низкий столик и подала ужин. А Миша опять выбежал посмотреть, не едет ли брат... Дождь теперь лил вовсю. Миша постоял немного и вернулся в чум.

— Совсем ведь голодные, бедняги... — говорила мать, и Миша понял, о ком идет речь.

— Кто же знал, что такая погода будет, — сказал дядя Илья. — Может, выехать навстречу? Они, наверное, боятся заблудиться и ждут, пока разойдется туман...

— Надо бы встретить, — отозвалась мать. — Больно уж легко одеты они, замерзнут... Съезди, Федор! Сани сейчас хорошо пойдут. Живо до поселка доберешься. А если уже выехали, встретишь по дороге — всегда по одним и тем же ложбинам ездим. Найдешь по свежему следу.

— Съезжу, пожалуй... — Мишин отец встал.

Для поездки нужны были свежие олени, их решили поймать арканом. Миша хотел посмотреть, как будут ловить оленей, но отец не пустил. А делается это интересно: пастух заходит в середину стада, высматривает нужного оленя и кидает на рога петлю. Олень бежит, пока не затянется петля, а пастух подтягивает его к себе.

Ища веревку, дядя Илья вдруг заметил, что одни из саней, на которых лежат оленьи шкуры, плохо укрыты.

«Что же это, — подумал дядя Илья. — Я же сам закрывал сани, сам и обвязывал. Кто же здесь рылся?»

Он не стал говорить об этом: оленеводы — люди честные, не любят, когда их в чем-нибудь подозревают. А если кто услышит напраслину, до смерти убиваться будет, не сможет забыть.

Мишин отец поймал оленей, запряг их и отправился в путь. Сорок лет прожил Федор Валей в тундре. И за это время узнал ее так же хорошо, как хозяйка знает свою кухню: завяжи ему глаза и то доберется, куда хочет. А туман или дождь и подавно не страшны. Он ехал быстро, оглядываясь по сторонам, чтобы не пропустить сани Василисы Антоновны. За три часа добрался до реки и не увидел на берегу ни одной живой души. «Неужели на самом деле разъехались?» — подумал он. Соскочил с саней, прошелся по берегу, вглядываясь в землю. Напрасно! Дождь смыл все следы.

«Они, конечно, дома уже давно, — подумал Валей. — Может, разминулись в тумане...»

Назад решил ехать другой дорогой. Но и здесь не нашел никаких следов. Не знал, что и думать: то ли вернулись они давно, то ли стоят где-нибудь в тумане. А может, и заблудились...

Потихоньку двинулся к чуму, давая оленям отдых, и провел в дороге всю ночь. Наступивший день мало чем отличался от ночи.

Навстречу выбежала Мишина мать и сам Миша.

— Не приехали? — подъезжая спросил отец.

— Не-ег... — раскрыв широко глаза, ответила мать. — И куда они делись?

— По эту сторону Кары никого нет... Не знаю, где и искать, — сказал отец.

— Что же теперь делать? — мать приложила руку к груди, в глазах тревога. — Неужели и вправду заблудились?

— Найдем, не горюй...

— Погода-то вон какая... Замерзнуть могут.

— Пойдем, — отец Миши решительно махнул рукой. Он быстро поел в чуме и поехал к дяде Илье в стадо.

— Нужно сейчас же ехать на поиски, — решил дядя Илья. — Останься с оленями. Теперь я поеду...

Дядя Илья вошел в чум и взял винтовку, стал искать ракеты: может, выстрелы услышат или ракету увидят издалека.

— А Харитон больше не приедет! — сказал вдруг Миша.

— Откуда ты знаешь? — сразу откликнулась мать.

— Он сам говорил, дядя Илья, — сказал Миша. — И вещи свои забрал.

— Какие вещи? — насторожился дядя Илья.

— Я видел, он по саням искал...

— Неправда это, — сказала мать и строго

посмотрела на Мишу. — Какие у Харитона вещи? Все его сундуки на нем.

— Пойдите-ка, — сказал дядя Илья и выбежал из чума. Вернулся злой, сжимая кулаки. Миша потихоньку улизнул из чума. Пусть теперь мать заступается за Харитона перед дядей Ильей!

Мать молча ждала, что скажет дядя Илья.

— Пыжики украл! — дядя Илья скрипнул зубами. — Я уж заметил, что кто-то рылся в санях, но не думал... Не думал, что в чуме вор живет!

— Вот чудо-то! — Мишина мать только руками развела.

И в эту минуту в чум вбежал Миша:

— Харитон идет! Пешком!

Харитон вошел в чум и остановился у двери. Видно было, что он очень устал. Прошла минута. Другая, третья. В чуме стояла тишина.

— Ну, хвастайся! — резко стегнул его словами дядя Илья.

Харитон молчал.

— Где был?

— В поселке... — пробормотал Харитон. — За табаком ездил... да задержался... и не дождался меня...

— А где Василиса? Где Вася? — в один голос спросили дядя Илья и Мишина мать.

— Разве не приехали? — спросил Харитон и тупо обвел чум глазами.

— Не стыдно тебе, — сказала мать. — Пьянствовать ведь поехал! А Василиса без тебя заблудилась!

— Не пил я... — вяло возразил Харитон.

— Значит, пыжиками торговал! — крикнул дядя Илья.

— Кто говорит? — вспыхнул Харитон и сразу же побледнел, испугался.

— Хватит! — дядя Илья закинул винтовку за плечо. — Я еду на поиски, но прежде решим, может ли Янгасов работать в нашей бригаде.

— Пусть сам расскажет прежде, — предложила Мишина мать. — Как это у него все вышло...

Харитон помялся, потоптался на месте, откашлялся и начал рассказывать, как взял пыжики, перевез их в поселок и отдал какому-то Прохору, и как этот Прохор почти ничего не заплатил ему.

— Жулик жулика обманул! — засмеялась мать. — Вот ведь пьянка-то к чему ведет...

Миша, глядя по очереди на взрослых, с интересом ждал, что будет дальше. Ему очень хотелось, чтобы дядя Илья выгнал Харитона из бригады, но тот почему-то не торопился.

— Считаешь хоть себя виноватым? — спросил наконец дядя Илья.

Харитон кивнул и пробормотал:

— Больше такого никогда не будет...

— Ладно, — сказал дядя Илья. — Оставай-

ся. Василиса с Федором придут, их еще спросим, как они на тебя поглядят...

И он пошел к упряжке.

— Возьми меня на поиск, Илья... — негромко сказал Харитон, но бригадир только рукой махнул.

Он поехал к реке по другой дороге, свернул к морю и стал объезжать холмы и низины, надеясь встретить где-нибудь заблудившихся. Уже как будто не оставалось ни одного уголка на большом участке тундры, где бы не побывал дядя Илья, но ему не удалось увидеть следов упряжки Василисы.

— Как растаяли, — удивлялся бригадир. — Вот диво...

Он удалялся все больше и больше от чума, делая большие круги по тундре. В одном месте, поднявшись на высокий холм, грохнул из винтовки в небо. Перепуганные гуси и утки поднялись с ближайших озер, даже ястребы снялись со своих гнезд. Прошло несколько минут, и снова наступила тишина. Еще и еще стрелял дядя Илья — и все без ответа. Ракеты пускать в тумане было бесполезно. Казалось, тундра задремала надолго, погружается в глубокий сон, и никакие силы не могут заставить ее проснуться.

Перед глазами бригадира стояли Василиса и Вася, голодные, замерзшие. И как их найти, дядя Илья теперь и сам не знал. Слишком велика тундра...

ДРУЗЬЯ ВЫРУЧАЮТ ИЗ БЕДЫ

Уже вторые сутки ездил по тундре Василиса Антоновна и Вася. Погода понемногу налаживалась, небо прояснялось, раздвинулся туман и открыл пасмурные дали тундры. Но нигде на горизонте не курился дымок чума, не сновали олени, похожие издали на черные точки. Кругом лежали незнакомые дикие места. Казалось, здесь не бывал человек с тех далеких времен, когда возникла тундра.

«Неужели так и придется умереть?» — думала девушка, и от этой мысли по спине пробегала знобкая дрожь. Она очень верила, что им удастся найти чум, но после двух суток поисков вера ее начала слабеть. В голову приходили страшные истории о том, как люди пропадали в тундре и потом не удавалось найти даже костей.

Василиса Антоновна и Вася уже не чувствовали ног, лица их посинели. Третий день без отдыха и еды! О завтрашнем дне было страшно думать. У них не было даже ножа, чтобы резать оленя и поесть хотя бы сырого мяса. Нечем и рыбы наловить. И ягоды еще не успели...

Приближалась третья ночь. Летом ночь такая же светлая, как день, но все равно страшно. Все в тундре стихает, затаивается.

Взобрались на бугор, всматривались — и снова ничего не видели.

Перед глазами девушки вставал поселок, долгое ожидание Харитона на берегу. Она представила себе, как бродит сейчас Харитон по улицам поселка — пьяный, веселый, ни о чем не думая. А в стаде, наверное, тревога. Отец Миши и дядя Илья по очереди дежурят в стаде и ищут пропавших.

Потом она представила, как они тут умрут. Исыянут силы, улягутся они посреди тундры в «куропаткино гнездо», заснут и больше не проснутся. Страшно? — Нисколько! — решила про себя Василиса Антоновна. Обидно только

за свою бестолковость. Узнают в селе о ее смерти, скажут: незачем было посылать глупую девчонку в тундру.

— Смотрите-ка, смотрите! — крикнул вдруг Вася.

— Что там?

— Аргиш! Обоз!

— Где?

— Вон... Видишь?

Далеко-далеко, на холме, на фоне бледного неба возникли олени. Они казались такими маленькими, что их можно было принять за мошек. Девушка взмахнула хореем, и олени понеслись стрелой вниз по склону. За нею поспевал Вася.

Обоз двигался медленно, и скоро Василиса Антоновна догнала его. Это оказался обоз колхоза «Новый Север» Ненецкого национального округа. Большое стадо только что снялось с места и двигалось к морю. На двадцати с лишним санях лежало все имущество оленеводов: разобранный чум, сундуки, постели, одежда, посуда, запас продуктов. Женщины держали на руках маленьких детей.

Как только в обозе заметили, что их догоняют, упряжки остановились. Василису Антоновну окружили женщины.

— Мы из колхоза «Звезда», — объяснила девушка. — Заблудились. Третьи сутки по тундре рыщем...

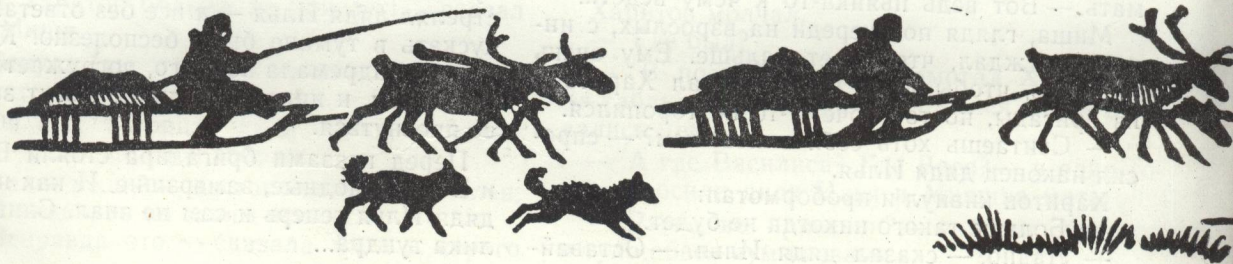
— Послушайте, что говорят люди! — женщины позвали с передних саней мужчин.

— Вы — коми? — спросил, подходя к Василисе, пожилой пастух. На его обветренном лице торчали огромные усы.

— Да, — ответила девушка и рассказала пастуху, как они заблудились.

— Далеко, однако, вы забрались... — пастух покачал головой. — Ну-ка, эй! — крикнул он пастухам. — Ставьте-ка скорее чум!

— Вы ведь только что снялись с места... — сказала Василиса Антоновна.

— Но ведь вам надо отдохнуть и отогреться, — ответил пожилой пастух, которого называли Осиповичем. — Наголодались в тундре.

Мужчины быстро сгрузили шесты, латы, развязали свернутый чум. Женщины загремели ведрами, побежали за водой.

Далеко друг от друга ездят оленеводы в тундре и говорят на разных языках, но у всех один обычай: встретят далекого гостя, примут с радостью и с удовольствием послушают приехавшего человека. Сердце оленевода всегда открыто гостю.

Скоро Василиса и Вася сидели уже подле огня в чуме, пили горячий чай, ели жареное мясо и рыбу. После голодовки еда казалась им необыкновенно вкусной. Женщины дали гостям мягкие чулки, сшитые из пыжиковых шкур, достали малицы, сделали постели.

— Не смущайтесь, — говорил Василисе Антоновне Осипович. — Тундра — тундра и есть. Сегодня вы у нас в гостях — завтра мы. Одно дело делаем, в одной тундре живем. Коми и ненцы — это же братья родные.

«Какие хорошие люди...» — думала девушка. Она впервые оказалась в ненском чуме и слышала раньше, что ненцы народ суровый, неразговорчивый...

— Теперь отдыхайте, — сказал Осипович. — Об оленях не беспокойтесь: накормим и напоим.

Девушка и мальчик забрались под теплые одеяла. Как хороша была эта постель!

Спали до позднего вечера, и когда проснулись, их снова накормили вареной олениной и жареной рыбой.

— А у нас в стаде взши олени! — сказал Осипович. — Теряли?

— Как же, штук десять, — ответила Василиса Антоновна.

— Девять, — поправил пастух. — Два дня назад примкнули к нашему стаду.

— Как же вы узнали, что это наши олени?

— О-о, — засмеялся Осипович. — А отметка

за ушами на что? Сначала мы не знали, чьи, а как увидели вашу упряжку, сообразили.

Пожилой пастух расспрашивал Василису Антоновну, как идут дела в стаде, много ли народилось оленят.

В дорогу собрались поздно вечером. Нашедшихся оленей пристегнули к упряжке Василисы. Осипович взялся проводить гостей.

— Груз невелик, — сказал он. — Пожалуй, к утру доберемся до вашего чума.

Девушка поблагодарила ненцев.

— Приезжайте к нам в гости. Мы ведь тоже к морю идем. Дней через десять будем стоять по соседству.

— К нам не забывайте заглянуть, — благодарил ненцы.

В горле девушки встал комок:

— Спасибо за все... До свидания. — Ей казалось, что она растает со старыми верными друзьями.

* * *

Вася ехал последним, закутанный в большую малицу, которую дали ему ненцы. Ровно неслись упряжки. Вася все время думал о том, как он встретится с отцом, с матерью, с Мишей.

Проехали полдороги, остановились.

— Перекур, — сказал Осипович и пустил из своей трубки такое облако дыма, что за ним исчезли олени.

Вдруг над тундрой сверкнула молния.

— Что такое? — испуганно спросил Вася.

— Ракеты пускают, — сказал Осипович. — Верно, вас ищут. Поехали!

Направились туда, где видели ракету, и через час заметили упряжку, несущуюся вскачь им навстречу. Еще издалека Вася узнал отца и, когда сани поравнялись, бросился ему на шею.

— Не надеялись в живых застать... — Отец крепко обнял сына. — День и ночь искали, все ракеты извели.

— А Харитон где? — спросила Василиса Антоновна.

— Вернулся он, пешком...

— Ну и человек! Пил, поди?

— Было с ним такое, — сказал отец.

— Пусть идет на все четыре стороны! — крикнула девушка. — Дадим радиogramму, чтобы нового человека прислали!

— Не злись, Василиса, — сказал отец. — Давай лучше радоваться, что живы остались. А Харитон обещал исправиться, поверим ему...

Осипович хотел было повернуть назад, но отец Миши и Васи не пустил: «Всю жизнь обижаться буду, если к нам сейчас не заедешь!»

К чуме приехали утром. Мать, заслышав лай собак, вышла навстречу. Глаза ее покраснели от слез, плечи опустились от горя.

— Вася, Васенька... — она обняла сына и заплакала. — Двое суток глаз не смыкала... Чуть с ума не сошла.

Вася едва дух перевел от радости. Обошел по-хозяйски вокруг чума, свистнул собак.

От шума проснулся в чуме Миша и выскочил к брату.

— Теперь долго не уедешь? Долго? До конца каникул? А я с тобой вместе поеду!

— Завтракать, дети! — позвала мать.

В чуме за столом уже сидели Осипович и отец, рассказывали о своих делах, вспоминали, где кто воевал. Как будто встретились старые друзья.

Василиса Антоновна только позавтракала, сразу поехала в стадо. Пусть отдохнет дядя Илья, посидит с дорогим гостем. Вася и Миша смеялись и бегали друг за дружкой. Им было очень весело. Только Мише было обидно, что он упустил песца и теперь не с кем забавляться. Он рассказал об этом Васе, и они решили на следующей стоянке найти нору, поймать зверька и потом отвезти его в школу.

Вечером дядя Илья решил сняться со старого места. Быстро погрузили чум на сани, собрали вещи, запрягли оленей. И на закате, когда вся тундра была залита прозрачным розовым светом, обоз колхоза «Звезда» тронулся в путь.

Дядя Илья сидел на первых санях. Он вглядывался в даль, приложив ладонь к глазам, выбирал дорогу поудобнее.

Миша и Вася носились наперегонки на своих санях, громко и радостно кричали. Им было весело. Олени шли к бушующему Ледовитому океану, туда, где особенно красиво короткое северное лето.

*Авторизованный перевод
с языка коми Р. Грачева*

НОВОСЕЛЫ

Н. Егоров

Нам справлять, друзья, не
лень
Новоселье каждый день.
На большом
Ночном привале
Мы в лесу квартировали.
До зари хозяйка-ель
Хвою сыпала в постель.
Бурелом
Построил дом.

Мы хозяйничали в нем.
Мы готовили грибные,
С диким луком, голубцы
И смеялись озорные
Тополята-близнецы.
Мы справляли новоселье
На рыбацьем островке,
И кружилось каруселью
Небо звездное в реке.

РАНО В СЕЛЕ

Владимир Панченко

Искры, словно мошкара,
Вьются в кузнице с утра.
И плывет в ущелья стук:
«Дзень-тук, дзень-тук».
Мастера плуги куют,
Душу вкладывают в труд,
Не жалеют сильных рук:
«Дзень-тук, дзень-тук».

*Перевод с украинского
Анатолія Коршунова*

Жетёрка

Владимир Дубовка
Рисунки И. Ризнича

Тетерка на чернику прилетела:
в лесу черника сладкая росла.
Да тут как раз лисица подросла,
и птица еле ноги унесла.
Тетерка напугалась не на шутку —
взвилась и села на высокий дуб.
Лисица опоздала на минутку,
а как вострила на тетерку зуб!

И начала крутить хвостом лисица
и к дубу с разных подступать сторон:
— Привет тебе,
любимая сестрица!
Слыхала ль ты про новый наш закон?
Теперь держаться будем новых правил:
друг друга уважать,
не обижать.
На том указе сам медведь поставил
и подпись
и сургучную печать.

Лиса умильно смотрит на тетерю,
а та слететь готова хоть сейчас:
— Ах, я тебе, сестрица, верю, верю
и всей душой
приветствую указ.
Да только —
нам вдвоем гулять-то, что ли?
Уж ты еще чуток повремени:
сюда бегут собаки через поле,
пускай гуляют с нами
и они...

Лиса — бежать. Тетерка ей:
— Сестрица!
Куда же ты?
А как же тот указ?
В ответ сердито буркнула лисица:
— Собаки-то неграмотны у нас.
Того гляди, не разобравшись, сдуру
они зубами мне испортят шкуру...

Перевод с белорусского
Г. Пагирев

ОХОТА С ФОТО- АППАРАТОМ

КУКУШКИНЫ ЗАГАДКИ

Н. Сладков
Фото автора

Кукушка — птица загадочная. Да такие загадки загадывает, что не каждому по плечу.

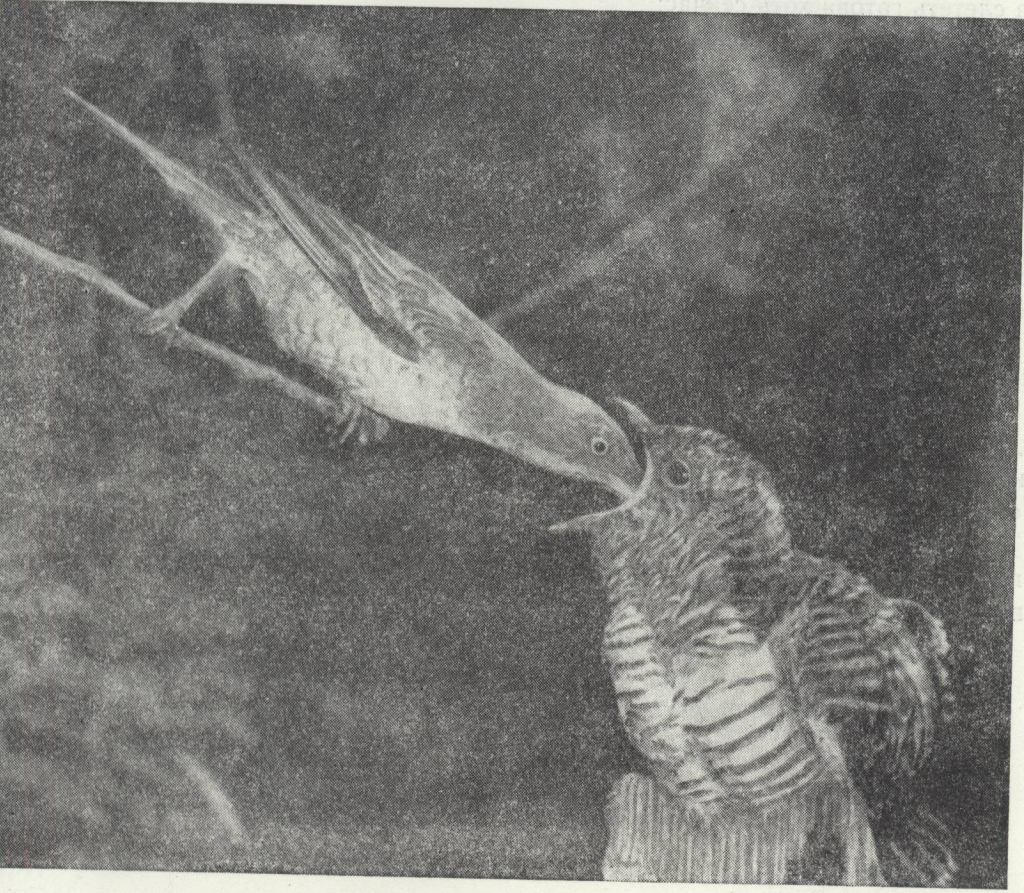
В наших лесах и полях живет почти семьсот разных пород птиц, но из них только одна кукушка не вьет гнезда и не выводит птенцов. Это первая загадка кукушки.

Натуралисты считают, что потому кукушки не выводят птенцов сами, что не под силу им справиться со своей кукушечьей семейкой. Ведь за лето кукушка откладывает около двадцати яиц и с большими перерывами. Высиживай она их сама, так были бы у нее в гнезде сразу и свежие яйца и яйца насиженные, голенькие кукушата и кукушата взрослые. Яйца греть надо, высиживать, а кукушат кормить. Улетишь за кормом — яйца застынут, сядешь высиживать — птенцы с голоду околеют. Вот и разносит кукушка свои двадцать яиц по чужим гнездам: в каждое гнездо по яйцу.

Почти у всех наших птиц находили в гнездах кукушечьи яйца. Даже у тех, которые гнездятся

Растет кукушонок не по дням, а по часам. Еле в гнезде помещается.

Кукушонок все время есть просит.

в узких дуплах. Вот и вторая загадка: как ухитряется кукушка снести яичко в такое гнездо, в которое не может пролезть? Загадку эту разгадали. Заметили, что кукушка иногда сносит яйцо прямо на землю, потом берет его в клюв и... просовывает в дуплышко!

А почему мирная кукушка так похожа в полете на хищного ястреба? Да потому, что удобней ей так вспугивать и отгонять от гнезд птиц: пугает, отгонит, а сама незаметно подкинет яйцо.

Любит кукушка загадки загадывать. Ростом она с голубка, а яйца несет почему-то мелкие, как воробьиные. Тоже не зря: ведь подкидывает их кукушка в гнезда мелких птиц!

Каждая кукушка несет яйца только одного цвета: одна только голубые, другая только серые, третья — в крапинку. И подбрасывают они их только тем птичкам, которые несут яички такого же цвета. Поэтому-то яйцо-подкидыш и по размеру и по окраске почти не отличается от остальных яиц. Приемная мать высиживает его так же усердно, как и свои.

Яйцо кукушкино — не простое. Кукушонок из него вылупляется обязательно на день-два раньше всех остальных птенцов. Вылупится, обсохнет и за работу. Работа у него одна: выбрасывать из гнезда все остальные яйца. Сла-

бый еще, слепой, голый, но настойчивый и упорный. Не успокоится, пока не выбросит из гнезда все яички, а если есть, то и птенцов.

Растет кукушонок не по дням, а по часам. Еще бы: ест-то за пятерых! Еле в гнезде помещается.

Родная мать кукушка не знает ни трудов, ни забот. Зато приемные родители не знают покоя: еле успевают собирать корм и совать его в ненасытную глотку. Уж и большим станет, летать научится, а все рот разевает: подачку просит.

Но придет август и станут вдруг молодые кукушки куда-то исчезать. Старые еще тут, а молодых с каждым днем все меньше и меньше. Это тоже загадка и не простая.

Выяснили, что молодые кукушки, не дожидаясь старых, бросив своих приемных родителей, самостоятельно отправляются в путешествие на юг. И не куда-нибудь, а в далекую Африку: за тридевять земель, за леса, моря и высокие горы! Никогда они раньше там не были, никто им дорогу не показывает, а вот поди ж ты — не сбиваются с пути! Знают когда и куда лететь, знают где остановиться и как на чужбине прожить.

Это самая трудная кукушечья загадка. Ее не разгадали еще и до сих пор.

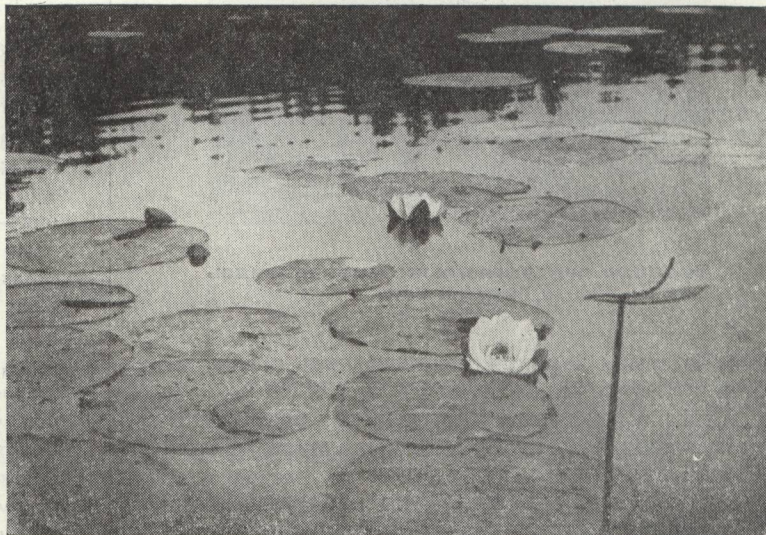
ПОДВОДНЫЙ ЗАКАТ

Охотникам знаком тихий и мирный предзакатный час в лесу. Покой и тишина. Красный глаз солнца смотрит сквозь колючую хвою елей. Сизая дымка заволакивает кусты. А вершины высоких берез похожи на золотые купола. И на самом высоком сучке нежится на закатном солнышке сорока, похожая снизу на белую спичку с черной головкой.

Вокруг истома и лень.

Есть такой час и под водой, когда утихнет ветер и улягутся волны, подводное небо начинает розоветь. В воде удивительная игра света: голубые лучи стрелами пронизывают толщу воды. Они такие четкие и прямые, что, кажется, тронь их и они зазвенят!

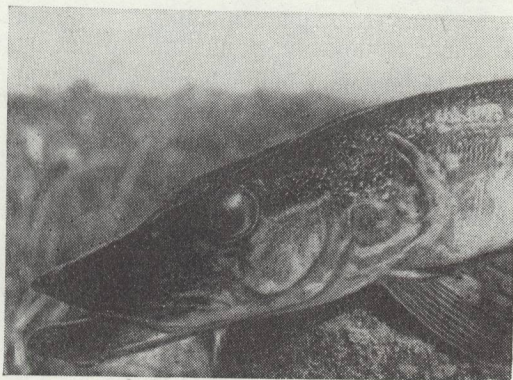
Не спеша все становится оранжевым, а дно темнеет и спускается в глубины.

Мирный предзакатный час на озере.

Веселые подводные рощицы тоже становятся оранжевыми, будто их покрыла золотая пыль или осел золотой иней.

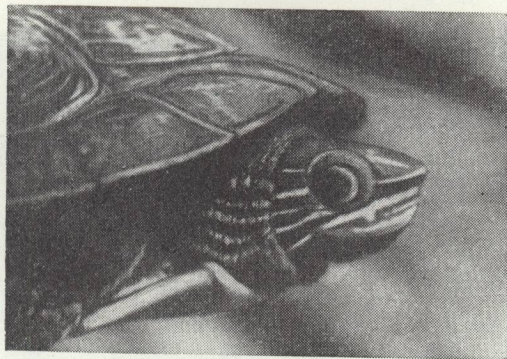
Из сумрачных темных зарослей на солнечные подводные опушки выползают подремать

Серо-зеленые щуки похожи на пятнистых ящеров.

и понежиться серо-зеленые щуки. Они похожи на пятнистых ящеров с желтыми ногами-коротышками. Они неподвижны, как затонувшие ослизлые палки.

Над желтыми рощицами проносятся быстрые стайки серебристых плотвиц. Красные глаза их посверкивают, как искры. Пронесутся и растают в сизой водяной дымке. Проплы-

Водяная черепаха плавает, покачиваясь с боку на бок.

вает водяная черепаха, покачиваясь с боку на бок.

А на растопыренную корягу, как на затонувший лосиный рог, лениво выползает усатый ночной рак.

По дну, по водорослям, по корягам, по рыбам струится тонкая розовая солнечная рябь. Тишина и покой. Мирный подводный вечер. Ленивый закатный час...

КАК Я ВЫРАБАТЫВАЛА РЕФЛЕКС

Н. Романова

Слышит ли черепаха?

Передо мной лежит большая черная болотная черепаха. Специальными ремнями она привязана к деревянной подставке. К задней лапе подведены электроды: нажим кнопки — и по лапе черепахи бьет ток. Черепаха быстро высовывает голову, ударяет по резиновой груше, которая подвешена к штативу перед ее мордой, и сразу же втягивает голову обратно под панцирь. Я вырабатываю у нее условный рефлекс на звук. Включаю ток и одновременно дую в маленькую игрушечную дудку. Черепаха бьет головой по груше. Так я проделала уже тысячу двадцать восемь раз. Но рефлекса все еще нет. Отдельно на дудку, без тока, моя черепаха не реагирует.

В комнату входит мама.

— Не знаю, услышит ли твоя черепаха, но я от твоей дудки определенно глухну.

— Мама, но ведь это наука. Необходимо доказать, что черепаха слышит.

— А я не в силах больше слушать эти звуки. Может быть, рояль может заменить дудку?

Мама открывает крышку рояля, проводит пальцем по клавиатуре.

И мы одновременно замираем.

Черепаха медленно поворачивает голову к маме.

— Она слышит, — почему-то с ужасом говорит мама.

Про себя я давно уверена, что черепаха слышит, но это ведь нужно еще доказать. Нужно выработать рефлекс на звук. Нужно добиться, чтобы черепаха била в грушу при одном звуке, без тока.

Может быть, ей, как и моей маме, рояль больше нравится?

И я проделала еще две тысячи раз сочетания — теперь уже звуков рояля и тока.

Но рефлекса нет.

Так я и не узнала, слышат ли болотные черепахи. Возможно, они и слышат, но так как звуки в их подводной жизни не играют такой важной роли, как у наземных животных, то и звуковой рефлекс у них выработать очень трудно. Однако, моя мама теперь совершенно уверена, что болотные черепахи слышат. С возмущением она рассказывает всем знакомым, как я истязала током бедную черепаху, чтобы установить, слышит ли она, и довела ее до того, что несчастная черепаха начинала вздрагивать, стоило лишь кому-нибудь в комнате повысить голос.

Это мушкетеры!

И. Виламов

Рисунки А. Януса

I. Прерванная дуэль

Удар был безусловно смертелен. Шпага Д'Артаньяна скользнула по толстому эфесу и остановилась напротив того места, где согласно представлениям всех мушкетеров мира, бьются коварные сердца кардинальских гвардейцев. Гвардеец вздохнул и начал умирать. Колени его подогнулись, и он рухнул на мостовую.

Неплохо шли дела и у трех остальных. Атос, Портос и Арамис теснили гвардейцев. Те отчаянно сопротивлялись, хотя и знали, что рано или поздно должны пасть, сраженные ловкими ударами мушкетеров.

Наконец, дело было сделано. Мушкетеры отсалютовали поверженным противникам и помогли им подняться с асфальта. Произошла короткая церемония перемены ролей. Гвардейцы стали мушкетерами, а мушкетеры — гвардейцами. Гвардейцы дружно обругали мушкетеров и их начальника, господина де-Тревила, а

мушкетеры ответили отборной бранью в адрес кардинала.

Договоренность о дуэли была быстро достигнута, и шпаги скрестились, издав звонкий деревянный стук. Как раз в эту минуту к тротуару подъехал голубой автомобиль. Человек, сидевший за рулем, некоторое время наблюдал за ходом поединка. Потом он открыл дверцу и, шагнув на тротуар, приказал прекратить сражение.

Восемь шпаг замерли в воздухе. Владельцы шпаг слишком хорошо знали этого высокого человека с бесстрастным сухим лицом. Да и кто в Ереване не знал его! Игорь Новиков, чемпион мира по современному пятиборью, стоял среди притихших дуэлянтов.

— А ну, — сказал Новиков, и восемь сердец замерли в ожидании необыкновенных событий. — Оружие в ножны и — в машину. Только без давки.

...В тот день голубая «Волга» увезла первую партию ереванских мушкетеров. Она укатила в совершенно таинственное и прекрасное место, где так упоительно пахнет лошадиным потом песок. Где неразговорчивые люди в кожаных шлемах и узких сапогах выводят, звеня крохотными, почти игрушечными шпорами, на желтый круг манежа сухих поджарых лошадей и, шепча в чуткие их уши какие-то ласковые слова, легко вспрыгивают в высокие седла. А парни в галифе и лихо заломленных картузах переставляют полосатые, похожие на шлагбаумы доски и разнообразные заборчики таким образом, чтобы из них получались препятствия, преодолеть которые можно, только подняв лошадь в воздух.

В тот сентябрьский день в Ереване открылась первая в Советском Союзе школа юных пятиборцев.

II. Мушкетер № 1

Пять дней пятиборца — это пять видов спорта. Самых различных. Требующих всех качеств, которыми только может обладать спортсмен: выносливости и скорости, меткости и силы, но, главное, беспредельного мужества и умения владеть собой.

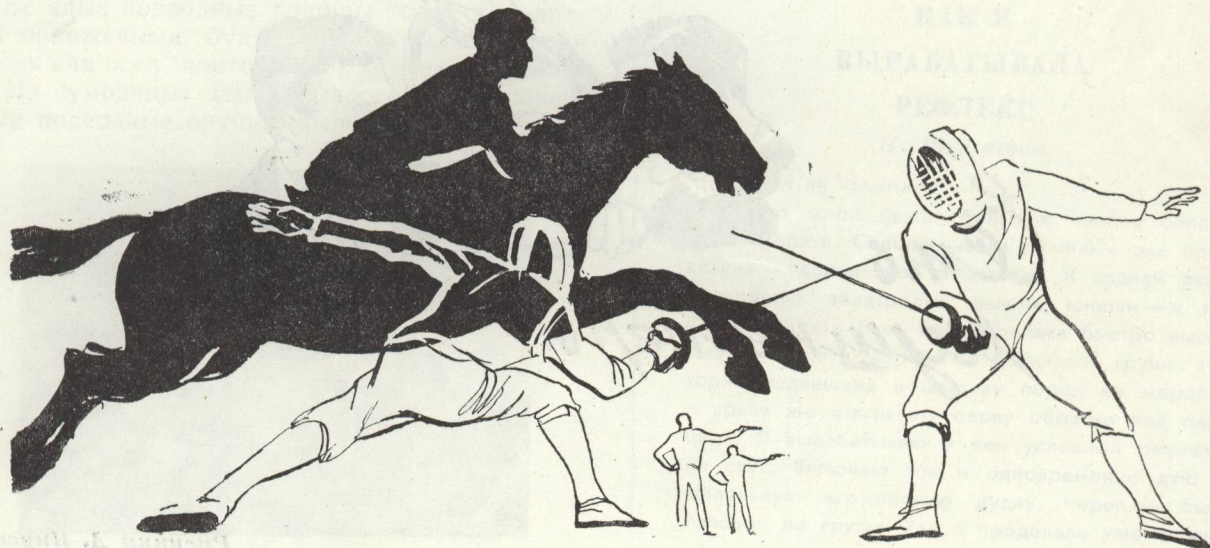
Сами пятиборцы говорят, что всю программу пятиборья можно разде-

лить на две части. Три первых дня, когда спортсмены соревнуются в конном кроссе, фехтовании и стрельбе — это испытание крепости нервов, опыта и мастерства. Два последних дня, включающих в себя плавание и кросс на 4 километра, — испытание силы и выносливости.

Неожиданности, встречающие пятиборца в пути, бесконечны. Очень

многое в пятиборье решает жребий: и какая лошадь тебе достанется, и в каком порядке попадутся противники во время фехтования, и вместе с кем придется стартовать в бассейне.

Для Игоря Новикова неожиданно стали начаться в тот день, когда ему предложили заняться пятиборьем. В те годы в Советском Союзе пяти-

борьем не занимался никто. Только понаслышке знали, что этот вид спорта необычайно сложен, что занимаются им главным образом военные и что пятиборцев часто называют современными мушкетерами — так богата приключениями спортивная жизнь пятиборца.

Игорь Новиков учился в ереванском институте физкультуры. Он был разносторонним спортсменом — хорошо плавал и знал толк в легкой атлетике, играл в волейбол и любил «пощелкать из мелкашки», самую

малость фехтовал. О пятиборье он только слышал, да и то краем уха. Поэтому он очень удивился, когда ему предложили начать тренироваться в составе сборной команды, которой предстояло выступить на олимпийских играх в Хельсинки.

И вот Игорь Новиков впервые в жизни сел на коня, взял в руки тяжелый пистолет, всерьез занялся фехтованием на шпагах.

Уже через три месяца Новиков стал одной из сенсаций олимпиады. Он занял там четвертое место, со-

ревнуясь с сильнейшими пятиборцами мира. «Русский просто хитрит», — говорили иностранные специалисты, когда Игорь клялся, что пятиборьем занимается всего-то ничего. И только на родине Игоря, в Ереване, ничуть не удивились. Там знали его невероятное упорство, его необыкновенное трудолюбие.

Так Игорь Новиков стал первым советским «мушкетером». Тогда он еще не думал, что на долгие годы станет первым не только по порядковому номеру.

III. Херши, штат Пенсильвания

В этом маленьком американском городке осенью 1959 года собрались сильнейшие пятиборцы мира. Игорь Новиков был капитаном и лидером советской команды.

Ему не повезло с самого начала. По жребью он получил самую тихходную лошадь, какую только можно себе представить. Внешностью она напоминала знаменитого Россинанта, а также подслеповатую кобылу Д'Артаньяна, на которой тот, как известно, прибыл завоевывать Париж. Это было какое-то недоразумение, а не конь. Никакими силами невозможно было заставить его чуточку прибавить шаг. Нет, и все. Хоть плачь. Новиков уговаривал ее, шепча самые ласковые слова. Он пускал в ход шпоры и хлыст, к чему, вообще говоря, прибегал очень редко. Но ничего не помогало. У препятствий ло-

шадь останавливалась и прикрывала глаза. В реке, которую необходимо было переплыть, она дрожала от холода. Один за другим Новикова опережали соперники, которым достались более резвые лошади. Двадцатое место — таков был результат первого дня.

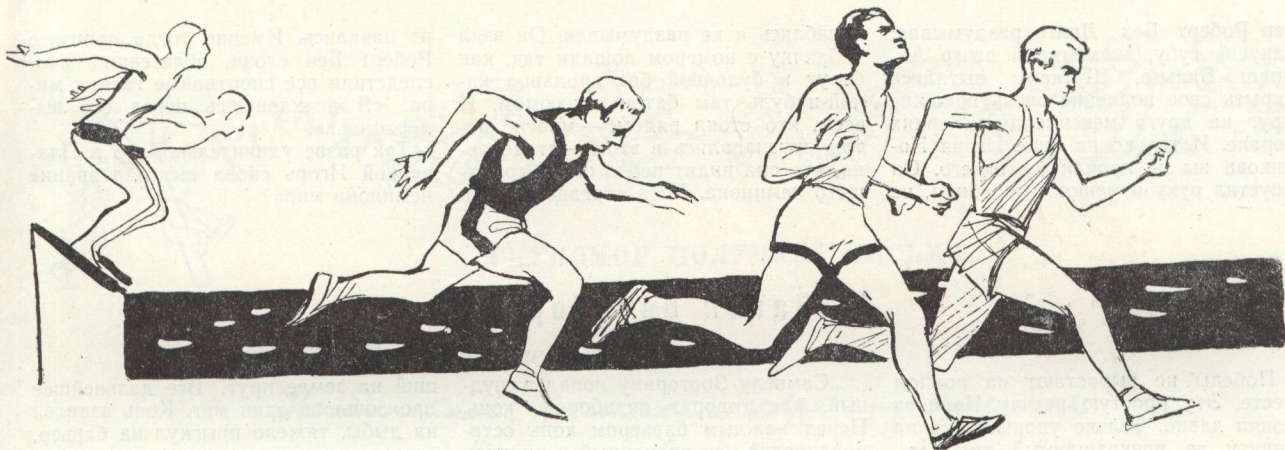
Что было ему делать после такого начала? Отказаться от дальнейшей борьбы? Но он был капитаном советской команды, и остальные равнялись на него. А в команде было плохо. Товарищ Новикова Николай Тартинов вывихнул плечо во время конного кросса и не мог рассчитывать на удачу. Поэтому Новиков должен был бороться за двоих.

Он поступил очень просто. Он заставил себя забыть все, что было накануне. Он вышел на узкую фехтовальную дорожку так, как будто

приехал в Херши только фехтовать. Он дрался так, как будто и не было этого ужасного изматывающего кросса, когда он задышался от чувства собственного бессилия перед проклятым тихходом. Теперь в его руках была шпага, и все зависело от него самого.

«Игорь Новиков совершил чудо», — писали американские газеты на следующий день. Шпага в его руке перестала быть холодной полоской стали. Она ожила. Больше сорока раз выходил он на дорожку и только сердце отсчитывало нанесенные уколы. Он знал, что должен победить, и совершил чудо — с двадцатого места перешел на третье.

Но наступил третий день, и он понял, что ошибся. У пятиборца только одна рабочая рука. От безмерного же напряжения второго дня рука

его стала тяжелой и неверной. В четырех сериях выстрелов он допустил четыре промаха. Пустяковые промахи, конечно. Каждый раз он «недостреливал» всего несколько очков. Но он сразу ушел на восьмое место.

Он почти не запомнил подробностей четвертого дня — дня плавания. Только счастливые лица товарищей в ту минуту, когда он выходил из бассейна, и бесстрашный круг секундомера, и стрелка, дрожащая на циф-

рах, невиданных в соревнованиях пятиборцев. Он был снова среди лидеров. Но главное было то, что советская команда после его заплыва вышла вперед, обогнав, наконец, американцев...

IV. Снова Херши, штат Пенсильвания

Только поздним вечером, в полусне, он впервые подумал о том, что может все-таки победит. Трое были впереди, всего трое — аргентинец Луис Ривера, итальянец Антонио Альмада и американец Боб Миллер. Три опытных, искушенных бойца. Чтобы обойти Ривера, Новиков должен был пробежать четыре километра на одиннадцать секунд лучше, чем тот.

И наступила минута старта. За его спиной — четыре дня полного напряжения сил. И четыре километра, голубой лентой бежавшие по невысоким холмам — впереди. Больше ничего. Он бежал своим неторопливым

размашистым шагом. Потом ему крикнули: «Выигрываешь». И еще: «Километр до финиша». Он не помнил, кто это кричал. Он бежал, разменивая километр на десятки, потом на сотни метров. Голубой треугольник, обозначавший трассу, показал цифру 600. Он резко выбросил ногу, заноса ее на небольшой холмик. Сначала ему почудилось, будто от шиповок отлетела подметка, и вслед за тем пришла боль. Когда нога коснулась земли, он, кажется, закричал. (Потом врачи поставили диагноз — разрыв связок свода стопы.) По мнению врачей человек не может бежать с разорванными связ-

ками. Игорь Новиков бежал. Бежал, повторяя, как пароль, как боевой клич, одно только слово — нужно. Голубые треугольники выскакивали навстречу и дробились в оранжевых кругах, вертевшихся перед глазами. Что-то кричали зрители. Ему казалось, что они повторяют за ним: «Нужно». «Нужно», — машинально твердил он, когда судьи сосчитали все, и опираясь на плечи товарищей, он взшел на верхнюю ступеньку пьедестала почета, и жесткий лавровый венок тысячу мелких уколов пронзил его влажные плечи...

Вот как ему досталась третья по счету золотая медаль чемпиона мира.

V. На пороге приключения

Пять дней спортсмена-пятиборца можно сравнить с каким-нибудь рыцарским или мушкетерским романом. С мушкетерским, конечно, — рыцарям ведь не было известно благородное искусство шпаги и пистолета, а уж попав по случайности в воду, рыцарь шел ко дну, как кусок свинца. А разве не напоминают приключения Игоря Новикова в Херши приключения Д'Артаньяна, который везет из Лондона в Париж брильянтовые подвески для королевы, а за каждым поворотом поджидают его люди коварного Ришелье?

Пятиборье сродни такой скачке с тысячу приключениями. Недаром Игорь Новиков признается, что в тот момент, когда он выходит на старт первого дня пятиборья, он каждый раз чувствует бегущий по коже холодок, который испытываемы всегда на пороге приключения.

Но ничего этого не прочтете вы на его лице. О невозмутимости Новикова рассказывают легенды, и коль скоро пришлось уже мне сравнивать пятиборцев с мушкетерами, то Новикова я хочу сравнить, как вы догадываетесь, вовсе не с горячим Д'Ар-

таньяном, и не с тщеславным Портосом, и, уж конечно, не с красавцем Арамисом, а с загадочным и непроницаемым Атосом...

В прошлом году на подмосковной станции Планерная разыгрывалось первенство мира по пятиборью. Нервное напряжение минуты, когда спортсмены разыгрывали лошадей, трудно передать. Я не помню никого, кто не выдал бы так или иначе своего волнения. Нервно засмеялся бразилец Мальта, получив коня с малоприятной кличкой «Трус». Поблел, вытащив жребий, америка-

нец Роберт Бек. Долго раздумывал, закусив губу, знаменитый венгр Андраш Бальцо. Шутками пытались скрыть свое волнение очень похожие друг на друга мексиканцы в ярких серапе. И только на лице Игоря Новикова вы не прочли бы ничего. Он опустил руку в мешок с жребием, не

колеблясь и не раздумывая. Он взял табличку с номером лошади так, как берут в булочной без продавца какой-нибудь там батон с изюмом. И всем, кто стоял рядом, — многие потом признавались в этом — стало ясно, что они видят перед собой грядущего чемпиона. Хотя соревнования и

не начались. Именно тогда произнес Роберт Бек слова, облетевшие впоследствии все спортивные газеты мира: «Я преклоняюсь перед его выдержкой...».

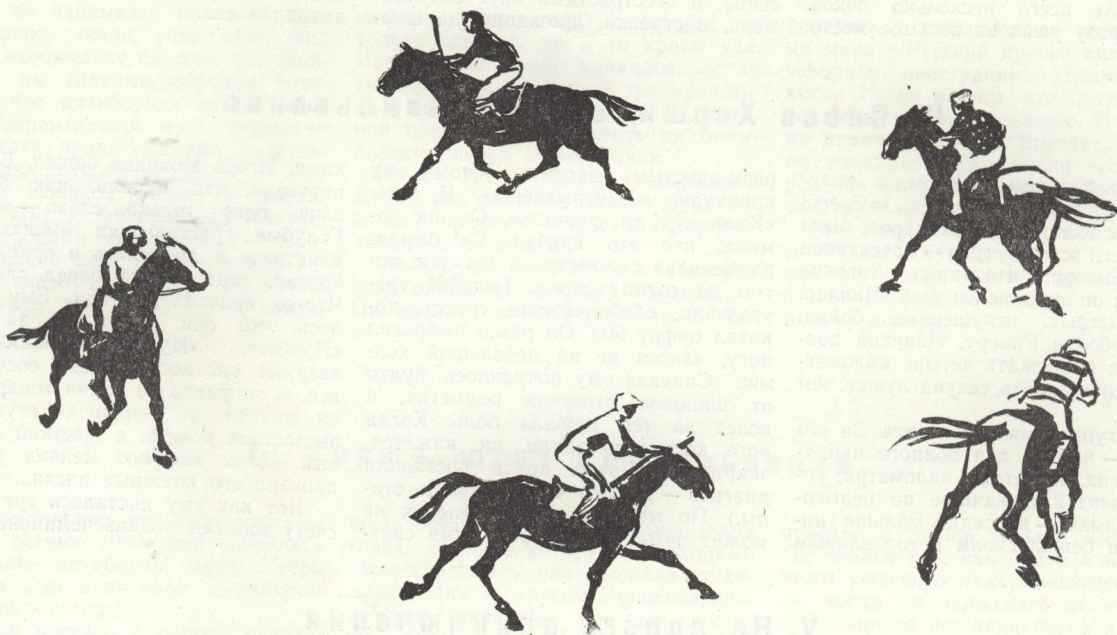
Так разве удивительно, что в Платерной Игорь снова выиграл звание чемпиона мира?

VI. Закон пятиборья

Победы не вырастают на ровном месте. Эту простую истину Новиков понял давно. Только упорный, ни на минуту не прекращаемый труд может сделать человека мужественным и сильным. Это — первая заповедь школы юных пятиборцев...

...Самвелу Зоргоряну попался трудный, как говорят пятиборцы, конь. Перед каждым барьером конь останавливался как вкопанный и никакая сила не могла сдвинуть его с места. Самвел был вне себя. Внезапно он ловко нагнулся и подхватил лежав-

ший на земле прут. Все дальнейшее произошло в один миг. Конь взвился на дыбы, тяжело прыгнул на барьер, словно соломинку переломив тяжелую перекладину, и, оступившись, зарылся вместе с всадником в желтые опилки манежа.

Впрочем, мальчик быстро поднялся и, натягивая одной рукой поводья, другой замахнулся на коня. И тут же почувствовал, что его руку, занесенную для удара, перехватила другая рука — такая твердая, что Самвел выронил прут. Никто даже не успел заметить, как подскакал к нему Новиков. Не повышая голоса, он приказал Самвелу снова сесть на коня и взять препятствие.

— Ты не уйдешь с манежа, пока не сделаешь этого, — сказал Новиков, —

иначе потом тебе самому будет очень стыдно. Ты же мужчина.

И, стиснув зубы, Самвел прыгнул в седло. Целый час носился он по кругу, заставив в конце концов непокорную лошадь взять барьер.

Конечно, часто ребятам приходится нелегко. Но они не жалуются. А если уж совсем невтерпеж, если не слушается конь, если не поднять руку с пистолетом, они вспоминают историю соревнований в Херши и

ищут глазами всегда спокойное лицо своего учителя. И сразу становится кротким и послушным конь, и рука уже не кажется такой тяжелой...

Каждое утро директор школы вместе со своими учениками выезжает на манеж. Он делает несколько кругов разминки, затем наклоняется к шее коня и ласковым, почти просительным голосом, какого от него вовсе и не ждешь, говорит, еле слышно шевеля губами: «Пойдем». И конь переходит на галоп...

СКУКОМОР ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО

*Дорогая редакция!
Необычайное, фантастическое происшествие!
Я — Лев Пяткин. Ох! Есть ли у вас в
редакции хорошие следопыты? Я следопыт
Наганацкий. Это я видел. сон или не
сон? Эф, не могу писать от волнения
и дрожи в руках. Такое фантастическое
происшествие, что*

*ПРИМЕЧАНИЕ СКУКОМОРА: Я едва разобрал письмо
Левы Пяткина из лагеря № 26. Вот что там еще было написано...*

...что даже температура подскочила у меня в голове, а рисунки получились маленько кривые.

Все началось с того, что футболисты нашего лагеря должны были на другой день играть со сборной спортлагеря. Мы все жутко волновались. Особенно футболисты. Они ходили по лагерю все какие-то перевернутые и ничего не ели.

— Мы жутко волнуемся, — сказал наконец вратарь Семка Фиш. — Мы от одного этого волнения завтра завалим игру. Надо съесть яйцо от волнения.

— Почему яйцо?! — удивились все.

— Надо яйцо, — сказал Семка. — Например, артисты, певцы, они всегда перед выступлением съедают от волнения яйцо. Надо и нам.

— Ну да? — сказали все. — Идея!

— Точно, — сказал Семка. — Это помогает. Только лучше не куриное. Лучше какое-нибудь дикое: синичье или снегиревое. Они свежее.

— Ну вас, — сказал защитник Боб Мямлин, — я на яйца смотреть не могу, не то что есть. У меня озноб от одного их вида.

— Яйца — лучшее средство, — повторил Семка Фиш.

— Ну, ищите, — сказал Боб Мямлин, — а я пойду рыбу ловить. Тоже очень, говорят, помогает от волнения.

— Это где? — удивился я. — В нашем пруду? Да она там жирная и не клюет.

— Ха-ха-ха! — захохотал Мямлин. — А я ее химией возьму. Есть такой способ. Всажу в пруд бутылок пять чернил, она и...

— Ай да Боб! — закричали футболисты и разбежались кто куда.

На ужин все одиннадцать не явились. На линейку тоже. Они пришли поздно, когда я уже засыпал, и я даже не успел спросить, как у них дела с их волне-

нием... Спал я плохо и видел странный сон. Все мне снилось, что лезут в окно елкины лапы, кого-то хватают, уносят...

Утром просыпаюсь — наших футболистов нет. Я побежал на поле узнать, как тренировка и все ли в порядке с боевым духом, — но и на поле их не было. На линейке все переполошились: оказывается, бутсы, щитки и гетры на месте, а ребят нету. Пропала наша сборная!

Я собрал следопытское звено, дал всем задание, и мы разошлись — каждый в свою сторону.

Я пошел на юг и вышел на дорогу. Может, думаю, они дорогу пересекали и следы оставили. В самом деле, попались какие-то следы. Стал я их как положено измерять. Вдруг смотрю — стоит рядом со мной какой-то дяденька.

— Чего, — говорит, — ты ползаешь, мальчик?

— Я ищу одиннадцать футболистов.

— Это, надо сказать, следы коровы, — говорит он. — Я лесник и маленько в этом разбираюсь.

— Чудеса, — сказал я. — Я и то гляжу — не очень похожие какие-то следы. У нас в лагере одиннадцать мальчиков пропало.

— Слушай, — говорит он серьезно. — Странное дело. Я сам думал, что это так, фантазия одна, обман зрения, а сейчас мне кажется, будто все было взаправду. Иду я ночью по этой дороге и вижу: склонились будто два дерева друг к другу через дорогу, и одно другому что-то передает. И мерещится мне, будто наклонилась елка к березе и отдала ей сонного мальчика! А та его клену передала. А клен сосне...

Но я уже не слушал. Я побежал в лес. Бежал и все думал про свой сон. А может, это и не сон был вовсе? А лес все гуще и гуще... Совсем я запарился, остановился и... вдруг слышу голоса голоса!

Я выскочил на поляну и увидел огромный, старый, могучий дуб, а на его суках... зацепленные за трусики висят пять наших нападающих, два полузащитника, три защитника, а на макушке вратарь Семка Фиш. Дерево трясет их, птицы клюют, Боб Мямлин почему-то весь синий.

— Левка! — кричат они мне.

— Ой! Ай! Ах! Мы больше не будем! Помогите нам!

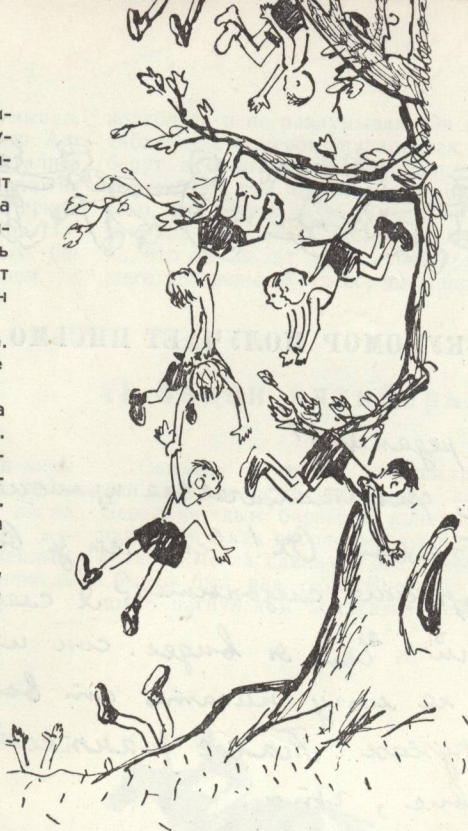
...В общем, через три часа их пожарная команда сняла.

И они теперь лежат. Лечатся. Шевелиться им нельзя. Читать. Писать, там, рисовать. Мне Женька, левый край, на температурных листочках написал, что у них произошло, но все листочки перепутались и теперь ничего не понять.

Дорогой Скукомор! Если у тебя есть знакомые ребята, которые поопытней в следопытском деле, пусть разберутся, что за напасть на наших футболистов. Что сказано в Женькиной записке.

Жду с нетерпением!

А слова в записке такие:

РАЗМЕЧТАЛСЯ ВИТЯ СВИНКИН

(К цветному рисунку
В. Травина)

Что за дикие картинки?!
Может, абстракционизм?!
Нет! — рассказ:

«Как Витя Свинкин
представляет коммунизм».

Представляет Свинкин Витя,
будто в кресле он сидит
и на всякие события
в телевиденье глядит.

А вокруг кипит работа.
Есть у Вити для услуг
дрессированная рота
электронно-счетных слуг.

Робот делает сложенье.
Робот правила зубрит.
Робот носит угощение,
«На здоровье», — говорит.

Робот стелет одеяло.
Робот комнату метет.
А в носу защекотало —
робот нос тебе утрет.

Робот-повар,
робот — чтобы
Витю утром одевать,
и еще особый робот —
чтоб за Витю маме врать...

Размечтался Витя Свинкин,
сам поверил в эту ложь.
И забыл, что в кресле сидя
в коммунизм не попадешь!

Лежебокам неумелым
запрещен туда маршрут.
Коммунизму первым делом
тоже нужен честный труд!

Вл. Алексеев

Мы спалили | гнезда птицы | огонь большое | из за этих яши
Дерева нам | разрушили | дерево | отомстили | нас ногою
А Боб Мямлин | испортил | украли | зерни туда | прыг
Дерева его | наши | Мы дураки | по дороге в прыг | чнаго
Трах нам | и вредители | испунали

ВТОРОЕ ПРИМЕЧАНИЕ СКУКОМОРА: Что же произошло в лагере № 26? Что в записке? Помогите, ребята, составить ответ Леве Пяткину.

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: В. М. Еонашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев,
Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь),
В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза

Художник редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор М. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

М-08432 Подписано к печати 14/VII 1962 г. Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.
Тираж 260 000 экз. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 8+2 вкл. Заказ 442. 6,98 усл. печ. л., 8,8 уч.-изд. л. Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза, Ленинград, Измайловский пр., 29
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

Рисунок В. Травина

Московское школьное 10

АРБУЗЫ

25 к.

Александр Кушнер

Бледнеют спортивные игры
Пред этой с пудами в руке.
Арбузы, зеленые тигры,
Сидят за решеткой в ларьке.

И жаром от выставки веет,
Арбузы, прельщая народ,
Не зреют уже, а звереют
И клетку сломают вот-вот.

И сам продавец-укротитель,
Ирины Бугримовой брат,
Питомцев своих — посмотрите! —
К прилавку ведет на парад.

Он что их — из Африки вывез?
От страху не стыдно упасть.
Он делает ножиком вырез —
И чмокает красная пасть.

Его цирковые повадки,
Похлопыванье по бокам —
Во славу торговой палатки,
На зависть соседним лоткам!

— Вы мне перепачкали брюки!
Я их не отмою вовек!
— Чего вы кричите? Не брюква —
Арбуз, молодой человек... —

Теперь вам не нужен котенок.
Летите на пятый этаж,
В руках — молодой арбузенок,
Домашний, пузатенький, ваш.

Рисунок Г. Ковенчука